

Эдуард Голубев

КОПИЯ

16+

Эдуард Голубев

Копия

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Голубев Э. К.

Копия / Э. К. Голубев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Две личности, он и она, незнакомые друг с другом, по разным причинам и в разное время попадают под влияние одного и того же человека, который пользуется ими для достижения своих незаконных целей, таких, как убийство и побег из тюрьмы.

Содержание

Глава 1. Последний отсчет. Десять дней	5
Глава 2. Девять дней	10
Глава 3. Джессика	15
Глава 4. Восемь дней	22
Глава 5. Семь дней	28
Глава 6. “Шоу” начинается	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1. Последний отчет. Десять дней

Роберт Кейт последние полгода находился в камере исправительного учреждения города Оберн штата Нью-Йорк не один. Эту тюрьму можно смело было назвать главной достопримечательностью. Несмотря на свои размеры, небольшой, чуть больше 25 тысяч жителей, этот городок сумел войти в историю США благодаря именно ей. В далеком 1890 году здесь впервые была применена смертная казнь на электрическом стуле, наделавшая так много шума и продолжающаяся практиковаться ещё в некоторых штатах до сих пор. Находясь практически в самом центре города, окруженная коттеджами, она была видна со всех сторон из-за малого количества многоэтажных зданий. Центральное сооружение тюрьмы находилось с восточной стороны и напоминало больше военное министерство или генеральный штаб какой-нибудь небольшой страны, встречая каждое утро первые лучи восходящего солнца своими двумя средневековыми круглыми крепостными башнями, а на вершине комплекса стояла статуя колониального солдата, известного как “Медный Джон”. Названия прилегающих улиц не отличались оригинальностью. С северной стороны это был Уолл-стрит, а с западной – Вашингтон-стрит. Южная стена учреждения мирно соседствовала со складами магазина автозапчастей и небольшого металлообрабатывающего предприятия.

Эти шесть лет пребывания в тюрьме Роберт тысячи раз вспоминал тот путь, ту группу событий, которые привели его сюда, и снова ворошить прошлое за десять дней до освобождения он не собирался, тем более, с кем-то это обсуждать. И как положено в человеческой жизни, Кейт ошибался. Вполне нормальное явление.

Проницательный, острый, но в то же время, заслуживающий доверия взгляд соседа по камере всегда был направлен в очередную книгу из тюремной библиотеки. Эти полгода они практически не общались, и Роберту иногда казалось, что рядом с ним просто тень.

Кейт прекрасно помнил тот день, когда к нему в камеру попал этот худощавый невысокий человек немного моложе сорока лет. Сухо поздоровавшись, он подошел к своей кровати и педантично начал застилать её. Закончив, новый сосед присел на край койки и, глядя прямо в глаза Роберту, спокойно произнёс: “Меня зовут Айван Стеблин”. Он ответил на знакомство, пожав протянутую ему руку, и именно тогда поймал себя на мысли, что взгляд этого человека очень напоминал того, из-за которого очутился здесь. За эти шесть месяцев общение между ними касалось только бытовых вопросов, и это вполне устраивало Кейта, так как он сам считался одиночкой в этой тюрьме, не пытаясь найти себе здесь друзей. Единственное, что отличало их обособленность, это встречи Айвана раз в неделю с женой. Роберта за шесть лет пару раз посетил лишь государственный адвокат, и то, в самом начале срока.

Спокойному пребыванию в тюрьме помогла татуировка на его плече в виде орла, держащего в когтях якорь, трезубец и кремниевый пистолет. Это была эмблема SEAL (тактическое подразделение Сил специальных операций ВМС США), более известное во всем мире, как “морские котики”. На одной из первых прогулок во внутреннем дворе тюрьмы, Роберт сидел и следил за игрой заключенных в баскетбол. Он прекрасно чувствовал, что уже некоторое время за ним пристально наблюдают, но не подавал и вида, спокойно созерцая за ходом игры. Как настоящий американец, он любил баскетбол и знал о нём всё. В один из эпизодов мяч отскочил к нему, и Роберт, подняв его с земли, правой рукой вернул круглого на площадку. Короткий рукав тюремной робы закатился выше плеча, и его татуировка мгновенно была замечена. Кому-то она ничего не сказала, для кого-то была не более чем обычная наколка, связанная с армией. Но только один человек ещё долго, до конца прогулки, незаметно для Кейта не сводил с него глаз, всматриваясь в подтянутую спину. Это был лидер самой крупной местной группировки, и уже вечером вся тюрьма была поставлена в известность, чтобы Роберта без серьезного повода не трогали. Этим поступком местный авторитет хотел отдать должное, спустя тридцать четыре

года. В 1970-м именно бойцы SEAL вынесли его, больше мертвого, чем живого, из адских когтей вьетнамского плена, после которого он уже забыл, что значит страх. Это была дань уважения. Именно так он ответил на вопросительные взгляды своих, мягко сказать, сторонников.

Так и прошли шесть лет для Роберта Кейта. Никто не трогал его, а он в свою очередь, не нарушал и жил по уголовным правилам тюрьмы. Какие никакие, но это законы и их надо выполнять.

Этот день был не более примечательным, чем все до этого. Всё по распорядку, всё по расписанию. Перед отбоем Айван поедал очередную книгу, лежа на своей кровати, а Роберт просто смотрел в белый потолок камеры. Затем, вытянув руки, он развернул ладони к себе и растопырил пальцы во все стороны, переведя взгляд с потолка на них.

– Десять пальцев, десять дней. Да, Роберт, осталось совсем немного. И вот она, её величество – свобода, – не отрываясь от книги, как будто эта фраза была написано в ней, произнес Айван.

– Интересный вы человек, мистер Стеблин. За всё это время здесь вы прочитали более двадцати книг. Я сбился со счета...

– Быть точным – двадцать шесть, – перебил Роберта Айван, не отрывая взгляда от книги, – говори, слушаю дальше.

– Исходя из этого, вывод напрашивается сам. Вы очень любите всякие истории. Но вас абсолютно не интересовало, как я попал сюда и за что. Вы не задали мне не одного вопроса. Почему, мистер Стеблин?

– Во-первых, сюда все попали не за что, а во-вторых, мне мало верится, что твой сюжет будет мне интересен. Непредумышленное убийство, что в этом может быть захватывающего? И хватит называть меня мистером.

– В том то и дело, Айван. Это самое настоящее убийство, но доказательств у них не было. Если бы я рассказал всё, как было, мне не поверил бы ни один присяжный, прокурор или судья. Но я знаю, что это было преднамеренно.

– Роберт, ты начинаешь интриговать. Зачем тебе это?

– Просто я считаю, что моя история не менее интересна, чем те, которые ты вычитываешь с этих книжек.

– Ну, что ж, – Айван отложил книгу на тумбу, и повернулся в сторону Кейта, – попробуй рассказать. Впереди десять дней, времени много, да и глазам надо отдохнуть. Так что можешь начинать с самого начала и со всеми подробностями. Не обещаю, что буду внимательным слушателем, всё зависит от истории.

Роберт Кейт снова уставился в потолок и тихо проговорил:

– С самого начала? Так даже будет лучше. Я родился в 1977 году в Нью-Йорке. Мой отец был пожарным, и я очень гордился им. Да скажу проще, он был для меня идиолом. Когда мне исполнилось шесть лет, отец подарил мне костюм пожарного, сшитый по заказу, специально для меня. Жетон, эмблема, все дела, блестящий стальной шлем. На плече далматинец. Все мои ровесники завидовали, когда я в нём выходил на улицу. А чего стоил мой велосипед! Ярко красный, как пожарная машина, с хромированными крыльями и спицами, а сзади на багажнике маленькая копия огнетушителя. Руль с большим клаксоном был обвешан проблесковыми маячками. Стоило меня на велосипеде увидеть проезжающему пожарному расчету, как на всю улицу взрывалась сирена в знак приветствия, и если они никуда не спешили, то непременно останавливались, уступая мне дорогу, а затем, кто-нибудь из них кричал, чтобы я обязательно передал привет отцу. Велосипед тоже был его подарок. В те моменты я чувствовал себя настолько счастливым, что казалось, это никогда не должно закончиться и продолжаться вечно. Всё это сделал для меня отец. Я настолько любил его и хотел быть похожим на него, что взрослея, начал полностью копировать все его повадки, мимику, выражения. Даже пытался сделать голос грубым и решительным, как у него, что всегда вызывала смех у матери. Прекрасно

помню, когда отец приводил меня к себе на работу в пожарную часть, и я с серьёзным видом, как он, ходил по ней, пристально рассматривая машины, даже не понимая, зачем я это делаю. Там было три автомобиля. Один с лестницей, непосредственно пожарный, вторая машина для спасателей и третья – скорая помощь. Особенно мне нравилась вторая, для команды. Такое количество всевозможных инструментов аккуратно сложенных в разные ящики и в выдвижные шкафы не могли меня, десятилетнего пацана, оставить равнодушным. Чего там только не было. Половины из них я вообще не понимал, для чего это надо, но с умным лицом рассматривал их. Главное для меня было, что так делал мой отец. Я подражал ему во всём. Уже в школе, когда научился держать ручку, постоянно разглядывал его рабочий блокнот, пытаюсь повторить написание каждой буквы и цифры. Айван, наверно у всех было что-то похожее?

– Инстинкт подражания, то, о чем ты сейчас рассказываешь, вполне нормальное и распространённое явление. Животным оно спасает жизнь. Малыш смотрит, что делают родители и также прячется от хищников. Поэтому постарайся сделать свою историю не такой пресной, или я возьмусь за книгу, – сухо ответил Стеблин.

– Поверь, то, что я расскажу, это не обыденная история. Просто начало было как у всех, а вот такой финал – только у меня. Наберись терпения, Айван.

– Считай, уже набрался.

– Этот день я запомнил на всю жизнь. Последний день зимы, суббота, 28 февраля 1987 год. Вся Америка вспоминала ту жуткую трагедию случившуюся год назад с “Челленджером”. Я, после школы, в выходные у нас был школьный театр, пошел к отцу на работу в пожарное депо. Как, я уже говорил, мне очень нравилось там находиться. Пожарные сидели в комнате отдыха, смотрели телевизор и обсуждали ту катастрофу шаттла, когда на пульт поступила команда вызова. Отец взял трубку, с серьёзным лицом выслушал, ответил, что принято и, обернувшись, резко сказал: “Есть работа”. Пару раз я уже ездил с ним на вызовы. Это были небольшие пожары, с которыми его команда справлялась за считанные минуты. В этот раз всё было намного хуже. Меня всегда поражала та скорость, и четкость движений с какой пожарный расчет был готов к выезду. Уже через шесть минут наши три машины подъезжали к этому семиэтажному дому, верхнюю часть которого полностью заволокло дымом. Огня ещё не было видно. Я, как всегда, отошел в сторону и с гордостью, сжав кулачки, смотрел на то, что делает отец и его команда. Это всегда очень завораживало и приятно напрягало...

Роберт Кейт прервался, пустым взглядом смотря в белый потолок. По всему было видно, что это один из тех моментов в его прошлом, которые не имеют срока хранения, а когда их вспоминаешь, они всегда предстают перед глазами свежими, как пончики, которые только что сошли с линии аппарата. Айван Стеблин, будучи неплохим психологом по своему роду деятельности – аферы, махинации, легализация теневых доходов, прекрасно понимал, о чем сейчас молчит Роберт и, цинизм, пришедший к нему ненавязчиво с годами, считал это молчание слабостью. Не то, чтоб он это осуждал, просто лично для него проявление сентиментальности было тем, что могло погубить раз и навсегда, поэтому слушать плаксивые истории в другой обстановке Айван никогда не стал бы, но здесь, в камере, время хочется убивать всеми попадающими под руку способами. Рассказ Роберта был одним из них, и Стеблин с небольшой долей забавы, решил, закрыв глаза, представлять себе всё услышанное кадрами на экране, как будто он случайно попал на премьеру дешевого, не претендующего стать лидером кинопроката, фильма.

Кейт продолжил свой рассказ, и темнота закрытых глаз Айвана начала наполняться действиями и картинками. Вначале это напоминало комикс, но вскоре всё постепенно оживало и уже вполне походило на киноленту, сперва черно-белую, а затем постепенно обретая цвета. Он четко, во всех подробностях видел маленького Роберта, стоявшего на одном месте среди суеты, царившей вокруг, и смотрящего большими глазами на горящее здание. В одном из окон последнего этажа сквозь дым начало пробиваться пламя, чьи щупальца становились всё длин-

нее и начинали поглаживать крышу. Лестница пожарной машины устремилась вверх, где из окон выглядывали испуганные люди, махая руками и только по открытому рту, было видно, что они кричат, прося о помощи. На земле их слышно не было, шум внизу поглощал все вопли.

– Айван, ты засыпаешь? – прервал своё повествование Кейт, в голосе которого почувствовалось разочарование.

– Нет, нет. Роберт, продолжай. Не то, чтоб меня очень сильно заинтересовало, но я уже хочу услышать твою историю. Не обращай внимание на опущенные веки. Если я буду засыпать, скажу обязательно, – ответил Стеблин, так и не соизволив приоткрыть глаза. “Сказка на ночь, почему бы и нет”, – улыбнувшись внутри себя, подумал он.

Окна седьмого этажа как будто выстроились в очередь, ожидая приема врача по имени “Пожар”, и он, решив никого не задерживать, проводил свой осмотр в ускоренном режиме. Через несколько минут весь верхний этаж был полностью охвачен пламенем. Соседние улицы наполнились режущим уши воем сирены. Это несколько расчетов мчались со всех сторон на помощь. В данный момент преимущество явно было на стороне огня, который нёс только разрушения и не собирался сдавать позиции. На время Роберт потерял из виду отца, который растворился в темной дымке парадного входа. Сердце учащенно забилося, и он не мог отвести пристальный взгляд от подъезда, которому даже не мешали мелькающие перед глазами люди. Через пару минут он увидел столь дорогой для него силуэт отца в проеме открытой двери парадной. Он выбежал на улицу и направился к пожарной машине, на ходу отдавая команды. Затем Кейт старший исчез за машиной и уже через мгновение Роберт гордо смотрел, с какой проворностью и легкостью отец залазил по лестнице, конец которой находился напротив одного из окон последнего этажа, в каких-то пяти-шести ярдах. Из этого окна валил дым, но пламени не было видно. Чувствовалось, что оно даёт фору, и она вот-вот закончится.

Стоявшая внизу толпа зевак, как и Роберт, не сводила взгляд с действий его отца. Одна только разница: для них он был обычный пожарный, может даже где-то герой, который просто выполняет свою работу, а для Кейта – самый дорогой человек в его жизни. Та уверенность, которая присутствовала в каждом движении отца Роберта, четкость его приказов, не вызывала ни у кого и капли сомнений, что всё закончится хорошо.

Роберт вёл свой рассказ неспешно, часто делая паузы, в которые Айван максимально заполнял полнотой зрелище, рисуемое его воображением. Ему это начинало нравиться. Просто при чтении он мысленно не успевал представить всю глубину, все краски сюжетной линии из-за непрерывного потока подаваемой информации. А отложить книгу на несколько секунд, и создать перед собой картину, было для него лишним. Он так не любил, предпочитая поглощать истории авторов быстро, непринужденно и полностью. В конце концов, для Айвана Стеблина это было что-то определенно новое. Оттачивать самому детали и героев повествования, чем вам не режиссер на киносъёмочной площадке. И никаких тебе капризных актеров и актрис, правда, зритель только один – ты сам.

Пожарная лестница по команде Кейта старшего начала приближаться к окну и вдруг, неожиданно для всех, из дымящегося проема резко появилась рука, вызвав громкий вздох неожиданности среди праздных наблюдателей. Теперь уже на земле взгляды всех были направлены на происходящие события наверху. Отец Роберта всё ближе приближался к протянутой руке, выкинув навстречу свою, и уже через несколько секунд толпа внизу четко различала, что человек, попавший в эту ловушку, была девушка. Она встала в полный рост на подоконник, закрывая левой рукой нос и рот мокрой тряпкой, а правая, вытянувшись, как струна, ожидала спасительного захвата. На удивление для многих она вела себя очень спокойно, но только единицы понимали, что это был глубокий шок. Всё, творящееся вокруг для неё было в каком-то тумане, из которого вышел Кейт старший, и она беспрекословно, не задумываясь, совершенно безвольно, как кукла на веревочках, выполняла, что он ей говорил. Их кисти сцепились, и резким рывком, чуть нагнувшись вперед, отец Роберта дернул девушку на себя, а левой рукой

крепко обнял её за талию, прижав к себе и держа на весу. Он развернулся назад и медленно, очень аккуратно, поставил её на лестницу, одновременно давая команды правой рукой на отвод лестницы от окна. Через мгновение пламя, словно от злости, что не успела достать следующую жертву, выкинула свой язык, напоминая хамелеона, но бросок был сделан в пустоту. Главные герои этого действия были уже недостижимы для огня.

Роберт Кейт молчал уже около минуты, и Айван, дорисовав полностью картину пожара в своем воображении, перевернулся на бок, и открыл глаза.

– Уже отбой, – тихо сказал он, – завтра я с удовольствием послушаю продолжение. Давай спать.

Его сокамерник ничего не ответил, утвердительно промолчав, повернувшись к стенке.

Глава 2. Девять дней

Распорядок дня в тюрьме Оберн ничем примечательным от других не отличался. Подъём в половине седьмого утра с плотным завтраком в камере.

– Знаешь, Айван. Когда выйду отсюда, наверно до конца жизни не буду есть овсянку и пить кофе. Первым делом, я пойду в ресторан. Фарфоровая посуда, металлическая вилка, тоненький стеклянный бокал. Как я об этом соскучился! Не в чём себе не буду отказывать. Тысячи четыре зелёных я здесь заработал. Поверь, я далеко не сноб, но этот пластик за шесть лет просто достал. Его запах в еде, в кофе. Иногда мне кажется, что изо рта воняет пластмассой.

– Согласен, Роберт. Пусть лучше посуда была бы картонной. Но никто из-за этого не будит рубить дерево. Лучше сделать из него стулья, там в цеху.

Айван недаром заговорил о мебели. На заднем дворе тюрьмы находился деревообрабатывающий цех, где шесть часов, с восьми утра до двух дня, заключенные работали за тридцать центов в час, и к концу срока, если сильно не тратиться, вполне можно было собрать небольшую сумму, что и сделал Роберт, собираясь потратить малую её часть в ресторане. Но если Кейт делал мебель, то Айван работал в недавно запущенном производстве номерных знаков для всего штата Нью-Йорк. Как он с улыбкой думал, это в его жизни понадобится гораздо быстрее, чем клеить столы. Стеблин не считал нужным обучаться чему-либо в этом заведении (лучше взять в руки книгу), в отличие от Роберта, который после работы посещал курсы строительных проектировщиков. Для Кейта эта учёба больше было способом убить время, чем возможностью воспользоваться этими знаниями в будущем. И не смотря, что до конца срока оставалось девять дней, он не бросал занятия, посещая их по инерции, до вечера, с перерывом на обед.

Так пролетала каждый раз половина дня, и только за пару часов перед отбоем, уже в камере, Роберт мог продолжить свою историю, а Айван, слушая, свою игру в “режиссера”.

Стеблин быстро восстановил перед собой кадр, на котором остановился, улыбнулся, и в голове звонко прозвучал хлопок нумератора с командой “мотор”. Единственная мелочь, что отличала – сценарий не был написан на бумаге, а передавался по воздуху звуковыми волнами.

Толпа внизу заплодировала, и со всех сторон были слышны одобрительные возгласы. Кейт еле сдерживался, чтоб не ринуться через перекресток к пожарной машине, дергая за рукав всех, кто попадался б на пути, с гордостью говоря: ” Это мой папа!”. Но он остался стоять на месте. Роберт обещал отцу, что во время тушения пожара, будет находиться на безопасном расстоянии, пока всё не закончится. Только с таким условием Кейт старший брал с собой сына на вызов. Роберт сумел подавить в себе это желание и остался стоять на месте, не сводя глаз от происходящего. По лестнице вверх быстро поднимался ещё один пожарный, чтобы принять девушку и сопроводить на землю. К этому моменту уже подъехала одна из служб новостей, и женщина-журналист быстро, поглощенная эмоциями от увиденного поступка, увлеченно вела свой рассказ, обращая внимание зрителей на то, что происходило у неё за спиной. Роберт не знал, сняла телевизионная группа тот момент, когда отец вытянул девушку из окна или нет, но то, что совершалось сейчас, обязательно попадет в новости. А значит, покажут по телевизору, и поэтому навсегда останется в памяти на кассете. Для этого дома был новенький видеомагнитофон “Panasonic”. Его отец без преувеличения стал героем, теперь не только для Роберта.

Из одного окна, метрах в пятнадцати от пожарной лестницы вылетела струя воды, не принося никакого удовольствия для тех, кто попал под неё внизу на земле. Мокрая одежда в зимний день – не самое приятное ощущение. Но главное было то, что пожарные прорывались к очагу, выражаясь армейским лексиконом, зачищая комнату за комнатой, вынуждая огонь сдавать свои позиции. Роберт уже представлял, что когда всё закончится, начнут сматывать

рукава, он подойдет к машине и, крепко прижавшись, обнимет отца. Всюду будут слышны выкрики: “Молодец! Ты настоящий мужчина”, а женщина – репортер быстрым шагом приблизиться к нему взять интервью и Кейт младший обязательно скажет, держа его за руку, что он хочет быть таким же, как отец.

Дальнейшее событие произошло с такой скоростью и неожиданностью, как скрытый удар апперкотом профессионального боксера. Казалось, этот лист шифера появился из ниоткуда. Сорвавшись с креплений, незаметным для всех, он начал скользить вниз, а подтаявший снег, снижая трение, добавлял ему ход. Когда крыша закончилась, и лист уже был виден снизу, потоками горячего воздуха, восходящего из окна, его передняя часть приподнялась, и тысячную долю секунды он был параллельно земле, как орлан, застывший в воздухе, выбирая жертву, ради которой готов сорваться в пике. Отец Роберта, передав девушку поднываемому пожарному, почувствовал опасность над собой, резко развернулся и посмотрел вверх. Если у шифера были бы глаза, тогда смело можно сказать, что взгляды их встретились. Рассудок Кейта старшего лихорадочно заработал и выдал два решения. Первое диктовалось инстинктом самосохранения, то есть для мозга единственное верное – нырнуть вперед под падающий шифер и плотнее прижаться к ступенькам, а лист примут на себя невысокие поручни пожарной лестницы. Он бы так и сделал, но сзади была девушка и напарник, который помогал ей пристроиться на лестнице, не подозревая об опасности. Профессия пожарного, как и другие, связанные со спасением в экстремальных ситуациях, притупляют этот инстинкт, выводя на первое место чувство долга и ответственности за других. Такая вот работа – быть готовым умереть за неизвестного тебе человека. Поэтому второй вариант в этой обстановке предполагал принять весь удар на себя. Отец Роберта не выбирал, ответ был очевиден. Вытянув вперед обе руки, он даже не успел опустить правую ногу на ступеньку ниже для большего упора, как ладони приняли удар. Пожарные всегда могли похвастаться своей физической подготовкой, и Кейт старший, находясь в столь неудобном положении, все-таки сумел отвести падающий лист шифера руками в сторону, но удержаться на лестнице было выше его сил.

В полной тишине практически одновременно раздалось два абсолютно разных звуков удара об замерший асфальт. Один сухой и тупой, второй – звонкий, стрельнув по ушам, как тарелка на барабанной установке. Это осколки шифера разлетелись в разные стороны, но на них никто не отреагировал. Все смотрели на Кейта старшего, который лежал на боку, слегка согнувшись, не подавая никаких признаков жизни. Роберт сорвался со своего места, поскользнулся, упал и, не успев подняться во весь рост, снова побежал, выпрямляясь на ходу. Он видел, что рядом с отцом уже находились два врача, которые нагнувшись над ним, пытались сделать всё возможное и невозможное. Когда оставалось метров десять до тела, Роберта за пояс поймал один из пожарных, поднял и прижал к себе:

– Не сейчас, сынок, не сейчас.

Кейт барабанил своими маленькими кулачками по плечам коллеги отца, пытаясь вырваться, не обращая никакого внимания на капли слез, которые замерзали прямо на лице. Он не кричал, он не мог найти слова, это было тихое мычание.

Отца положили на носилки и понесли к машине скорой помощи полностью накрытого с головой брезентовой простыней. Роберт не видел этого, но от того, как пожарный прижал к себе ещё сильнее, он понял, что произошло наихудшее. Всё остальное для Кейта происходило в каком-то тумане. Лица и силуэты людей вокруг были размыты, а голоса превратились в сплошной гул, напоминая пчелиный рой. Напарник отца посадил его рядом с собой на заднее сиденье неизвестной ему легковой машины и Роберт, ничего не спрашивая, отрешенно смотрел в окно на пробегающие мимо голые деревья и серые здания. Он сообразил, его везут домой.

Когда мать открыла дверь, она сразу поняла, что произошло непоправимое. Роберт бросился к ней и обнял, уткнувшись в живот, а она вопросительно смотрела на коллегу отца, который сам не знал, что сказать. Иногда ей приходило в сознание подобная сцена, которую

она панически боялась и потому каждое воскресенье в церкви молилась за здоровье мужа. Ноги матери подкосились, и Роберту пришлось поддержать её от падения, пока не подскочил пожарный. Он облокотил её на себя и повел в гостевую комнату, где усадил на диван и сказал Кейту принести стакан холодной воды. В этот момент Роберт понял – он резко повзрослел. Когда мать немного отошла, молча выслушав, как это произошло, она попросила отвезти её в больницу, боясь произносить слово «морг». Как Роберт не просился поехать вместе с ними, мать ему решительно запретила.

Оставшись дома один, не зная почему, он включил свет во всех комнатах, снял со стены портрет отца в форме и, облокотив его на вазу, сел за стол, не сводя с него глаз. Электронный будильник на полке подал сигнал, как он делает это каждый час, что уже пять вечера, и Кейт включил телевизор, посмотреть местные новости. Он знал, когда они начинаются, но никогда не смотрел (ему было это неинтересно). Теперь всё изменилось.

На экране появилась та женщина, которая вела репортаж с места пожара. Роберт хотел выключить телевизор, слишком тяжело было видеть это ещё раз, но непонятно для самого себя, продолжал смотреть. Телевизионная группа новостей ничего не упустила. Камера оператора беспристрастно сняла всё. И когда отец вытаскивал девушку из горящего окна, и сорвавшийся с крыши лист шифера, и ... дальше Кейт закрыл глаза, наполняющиеся влагой. Отцу это очень не понравилось бы. Он считал, что у мужчины должен идти только пот, наличие которого обратно пропорционально слезам и прямо пропорционально характеру. Роберт вспомнил, как спросил, что такое прямо и обратно пропорционально, а отец, улыбнувшись, ответил: “Запомни, сынок, тогда так. Чем больше пота, тем меньше слез и выше дух”. Кейт приоткрыл мокрые глаза, протер их рукой и в этот момент увидел на экране телевизора себя. Оператор снял его сбоку, повисшего на пожарном, в сердцах тарабаня обеими руками по плечам. Сейчас ему хотелось выскочить на улицу и бежать, бежать, бежать по серым задним дворам Нью-Йорка прочь от этой несправедливости, а потом забиться в холодный темный угол, где никто не смог бы его найти. Роберт уже готов был на этот побег, но звонок в дверь прозвучал словно звуковой сигнал фальстарта, заставив его остановиться, как вкопанного, посреди зала. Дверь оказалась незапертой, и через пару секунд Кейт услышал в доме голос своего дяди, который звал его. По сравнению с отцом его младший брат был для Роберта не больше, чем знакомый продавец из соседнего магазина, он его не воспринимал. Настолько они отличались. Кейт уже в столь юном возрасте не мог понять причину такого расхождения между ними. Сильный, уверенный в себе, да просто герой его отец и дядя, полная противоположность, которому стоило заговорить, уже создавалось впечатление, что он слабый. Мягкий голос, без эмоций, всегда с небольшим акцентом на благосклонность к себе вызывал у Роберта отторжение, а его рассказы о своей работе полное непонимание. Одним словом – страхового агента.

– Извини, перебиваю, – все также, не открывая глаза, произнес Айван, – но поверь, я сталкивался с такими агентами, которые могли бы застраховать не только на случай смерти, но и саму мадам Смерть. Воистину черти. Тебе, наверное, такие не попадались.

– Может быть, – ответил Роберт и продолжил рассказ, а в голове Стеблина тихо затрещала кинокамера.

Сначала Кейт хотел спрятаться от дяди и дождаться, когда он уйдет. Детский эгоизм дал о себе знать. Роберт воспринимал только своё горе, не задумываясь, что человек, который стоит в другой комнате сегодня потерял родного брата. Пока он решал, что делать, дядя зашел в зал и, увидев племянника, остановился в дверях.

– Бобби, ты здесь, слава богу, – голос его дрожал. Они присели за стол и, нагнувшись вперед, в полной тишине не сводили глаз с фотографии Кейта старшего.

Через час привезли мать, и Роберт, держа за руки, старался не смотреть на неё, сидящую в кресле, постоянно уводя взгляд в сторону. Ему стало страшно, как она изменилась. Лицо превратилось в бледно-желтую маску, кончики губ опустились вниз, взгляд был сама пустота.

Он чувствовал, как её правая рука непроизвольно начала дергаться, а и с гортани выходили лишь хрипы.

Дядя вызвал скорую помощь и уже через десять минут врачи сделали инъекцию нитроглицерина. Доктор ещё раз внимательно осмотрел мать и сказал, что сегодня ей лучше быть у него под наблюдением в больнице. Он говорил очень спокойно, что всё будет хорошо, не давая усомниться в своей правоте, но на самом деле, как настоящий врач, скрыл главное. Это был не сильный стресс, это был инфаркт.

Когда мать уже на носилках помещали в машину, приехала его тетя, которая переговорив с мужем на улице, села в свой автомобиль и отправилась следом за каретой скорой помощи.

В эту ночь Роберт долго не мог уснуть, ворочаясь и просыпаясь каждый раз, как огни фар одиночных машин, поворачивая на улицу, освещали стену напротив в его комнате. Сегодня он забыл задернуть штору, долго смотря в темное окно перед сном, облокотившись на подоконник. Мысль о побеге исчезла оставив после себя полную отрешенность и нежелание к каким-нибудь действиям. Он даже не захотел встать и задернуть штору, а просто развернулся на постели в другую сторону, засунув голову под подушку, стараясь таким способом спрятаться от всего этого. В конце концов, он уснул и уже не слышал звонка домашнего телефона в три часа ночи, на который быстро ответил дядя, держа в полудреме руку на трубке всё это время.

В 2 часа 55 минут первого марта 1987 года Роберт стал сиротой.

У Кейта было ощущение, что на похороны родителей перекрыли все улицы Нью-Йорка и город остановился. Гробы, завернутые в национальные флаги США были установлены сверху на пожарной машине, полностью по бокам обвешанная венками. Роберт вместе с дядей сидел рядом с водителем и молча смотрел на дорогу, где живым коридором на тротуарах стояли люди. Мужчины отдавали честь, а женщины вытирали слезы платками не в силах сдержаться. Весь город знал о произошедшей трагедии. Роберт посмотрел в большое зеркало заднего вида и не увидел конца процессии. Пожарные машины красной лентой уходили за горизонт, мигая проблесковыми маячками. Подъехав к границам кладбища Вудлон, где у входа ожидал оркестр, возглавивший последний путь по широким улицам некрополя, одна группа пожарных сняла гробы и встали за музыкантами, а вторая подошла к машине, взялась за поручни по обоим бортам и торжественно печально, но в то же время очень величественно сопровождала родителей Роберта к месту захоронения. Сидя в машине Кейту казалось, что это всё происходит не с ним, он просто свидетель со стороны, по ту сторону большого лобового стекла. Но только стоило ему выйти из кабины, как ноги наполнилось свинцом, а глаза – влагой. Роберт только сейчас до конца осознал, что он навсегда потерял всё то самое доброе, самое дорогое и любимое в своей жизни. Он хотел закричать, но дрожь в сухих губах помешала, выставив в горле заслон, и ему только оставалось молча вздрагивать всем телом опустив голову, исподлобья смотря на происходящее, держась на расстоянии. Роберт не слышал прощальную речь, все звуки вокруг опять превратились в один сплошной мерзкий гул, который вызывал лишь позывы тошноты. Он повернулся к дяде, который стоял сзади, держа его за плечи, и очень тихо, так, что брат отца, нагнувшись, поднес ухо к самим губам, сказал:

– Я хочу в машину.

В теплой кабине Роберт немного успокоился, прекратился шум в голове, и дыхание, больше не сбиваемое дрожью, стало ровным. Детский организм был на грани физического истощения, нервное ему ещё было чуждо, и словно с помощью сработавшего предохранителя мгновенно перешел в спящий режим. Кейт провалился в пустоту. Это был не сон, это было отключение.

– Айван! Я понимаю, такие истории не для тебя, но поверь, это не будет мелодрамой.

– Послушай, Роберт. Я знаю людей, которые становились сиротами при таких обстоятельствах, что произошедшее с тобой для них было бы просто неприятностью. Как я понимаю,

первую книгу под названием “Детство” ты закончил, значит, завтра начнем вторую – “Отрочество”, – с улыбкой проговорил Стеблин, – время позволяет.

– Где-то я это слышал. Айван, откуда?

– Наверное, в школе, на уроках зарубежной литературы. Лев Толстой – это краеугольный камень русской литературы. А его “Детство”, “Отрочество” и “Юность” – автобиографическая трилогия. У меня русские корни, Роберт.

Кейт захохотал так громко и внезапно, что охранник тюрьмы резко развернулся и направился в сторону камеры. Услышав приближающиеся шаги, Роберт быстро осекся.

– Не знаю, чем вызван твой смех, но реакция мне очень не понравилась. Попробуй объяснить, – в голосе Стеблина повеяло холодом, – я жду.

– Успокойся, ничего личного. Просто всё это время я был уверен, что ты еврей, и готов был заключить пари с кем угодно. Разве Айван не еврейское имя?

– Может исторически корнями оно и связано с иудеями, но имя Иван тебе о чем-нибудь говорит? А это одно и то же, – уже без намека на злость ответил Стеблин, и, улыбнувшись, спросил, – так ты, Роберт, оказывается антисемит?

– Честно сказать, я не делю людей по национальности, я делю их по поступкам. Там на войне мой командир был еврей, а напарник – кубинцем. Железные люди, настоящие бойцы. А вот с русскими у меня отдельная история.

Кейт повернулся к стене. До выхода на свободу оставалось восемь дней.

Глава 3. Джессика

В безукоризненно чистом небе восходящее солнце на следующее утро своим ярким светом говорило всем обитателям исправительного учреждения, что сегодня суббота. Если для Роберта было без разницы, какой день недели, то выходные Айван ждал очень сильно. И на это была причина, о которой Кейт даже не догадывался. Точнее он видел, как Стеблин ожидает субботу. Айван не то чтоб нервничал, но все его движения на миг становились резче, что не могло скрыться от зоркого взгляда Роберта. “Свидание с женой в этих условиях как бальзам на душу, конечно, будешь ждать и переживать”, – думал ошибочно Кейт, каждый раз провожая взглядом своего соседа в комнату для встреч. Пару раз у Роберта возникали непонятные сомнения, видя, с каким напряженным лицом Айван возвращался назад и сразу углублялся в книгу. Он не задавал вопросов, считая лишним и, в конце концов, это его личные семейные проблемы, плюс на тот момент их общение было сведено к минимуму.

Сегодня, вернувшись в камеру, Айван был опять озадачен, думая о чем-то своем. Он молча лег на койку всем видом показывая, что очень устал. Именно утомлением Стеблин пытался скрыть нервозность. Роберт посмотрел на профиль Айвана, и, усмехнувшись, пошутил:

– У тебя пудра на щеке осталась. Поверь, здесь таких не любят. И мне уже становиться не по себе.

Стеблин провел ладонью по лицу, посмотрел на руку и также с юмором ответил:

– Поверь, в этом заведении, есть люди, которым это понравилось бы. Я рад, что не в твоём вкусе.

Они оба расхохотались и сквозь смех Роберт спросил:

– Айван, как её зовут?

Стеблин задумался, повернулся к Кейту и внимательно посмотрел на него.

– Не хочешь, не говори. Твоё право. Просто я думаю, в этом нет ничего предосудительного, что я хочу узнать её имя.

– Только имя и всё. Больше никаких вопросов. Джессика.

Роберту хотелось узнать побольше, но то, каким тоном ответил Кейт, весь интерес испарился. И всё равно не удержался и сказал:

– Она, наверное, очень красивая.

– С чего ты так решил?

– Знаешь, Айван, по моим личным наблюдениям всех самых красивых женщин зовут либо Синди, либо Джессика.

– Роберт, я сейчас открыл в мозгу поисковик по этим именам, – и, выдержав паузу, как будто в голове он листает страницы браузера, продолжил, – наверное, ты прав.

Кейт даже не догадывался, что каких-то восемь месяцев назад Айван понятия не имел о существовании некой Джессики Олсон. Их познакомил его младший брат Влад, вместе с ней посетив Стеблина в тюрьме Бруклина, где он находился, пока дело было на рассмотрении.

Тридцать девять лет в жизни Джессики Олсон всё шло размеренно и спокойно. Она даже не могла представить, какая карусель завертится десять месяцев назад. Сегодня, покинув тюрьму, Джессика поспешила домой в Сиракьюс. Находившийся в тридцати милях восточнее Оберна этот город расположился на южном берегу озера Онондага. Именно там, не сводя глаз с воды, Джесс проводила долгое время последние дни, задаваясь вопросом “Не сошла ли она с ума, пойдя на такое?”. И всегда отвечала себе, что нет.

Родившись в Сиракьюс, она полюбила этот город на всю жизнь. И хоть некоторые подруги мечтали о Лос-Анджелесе, Джессика никогда не хотела уехать отсюда. Она не понимала, как

можно бросить и больше никогда не увидеть свою школу, любимую лавочку в парке, подруг из класса. Вот так просто стереть детство, нет, для неё это было дико. Поэтому, строя планы на будущее, Джесс прекрасно знала, что работать и жить будет только здесь. Получив среднее образование, она не хотела идти учиться дальше, считая, что уже пора приносить деньги в семью, а не вытягивать их и зарабатывать себе самой на новое платье. Проблем найти работу в Сиракьюсе не существовало. Несмотря на множество вакансий, Джессика долго не выбирала, остановившись на полимерной фабрике, где работал её отец. Там она познакомилась со своим будущим мужем, и уже в 1994 году стала мамой. Как Джесс говорила подругам, Линда, и есть настоящий смысл жизни. Она была безумно счастлива делать всё только ради неё, наслаждаясь красивой улыбкой дочери, чьё сходство с матерью ни один из знакомых не посмел бы оспорить. Джессика стремилась стать самой лучшей подругой для своей Линды, и, надо признать, это получалось очень хорошо. Такое взаимопонимание, как у них, вызывало у окружающих только одобрение и умиление, а некоторые родители, скрывая это, завидовали, и не всегда по белому. Года летели, и Линда раскрывалась, как прекрасный горный цветок на фоне серых камней. Когда она выходила погулять на улицу, даже в пасмурную погоду, её звонкий смех, непринужденность, легкость, как казалось соседям, разгоняет облака и всё вокруг становится светлее.

Первый глухой кашель появился у Джессики Олсон летом 2008 года. Никогда за всю свою жизнь она не обращалась к врачам, кроме, как во время беременности. И в этот раз решила, что всё пройдет. Он приносил больше дискомфорт, чем болезненные ощущения, поэтому Джессика считала, что ничего страшного в этом нет. Но всё-таки через три месяца она решила обратиться к доктору. Сделав снимок лёгких, врачи ничего не обнаружили и ей прописали обычные таблетки от кашля. Мировой экономической кризис не обошел химическую фабрику, и Джесс была очень рада такому диагнозу. Потеря работы на тот момент была равносильна приговору к нищете. Вскоре она перестала обращать внимание на кашель, да и таблетки делали своё дело.

Прошло чуть меньше года и Джессика начала чувствовать постоянную ноющую боль в груди, появилась отдышка от мизерной нагрузки и хроническая усталость. Скрывать свою нервозность (что давалось нелегко) у неё получалось только в присутствии дочери, а вот отношения с мужем перешли ту точку невозврата, где такие понятия как любовь, привязанность и понимание становятся чуждыми. Он ушёл одним ранним утром, тихо, без выяснений отношений, оставив на кухонном столе записку, где просил не проклинать его и всё правильно объяснить дочери. Просто он очень устал и так легче им будет обоим. Джессика не винила его, осознавая, что внесла немалую лепту в их развод, первопричиной которого стало её психическое состояние последние месяцы.

Очередным осенним вечером за ужином Линда долго серьезно смотрела на мать, не прикасаясь к еде, и тихо сказала:

- Мамочка, любимая, пообещай, что завтра ты пойдешь в больницу. Я очень прошу тебя.
- Девочка моя, я уже ходила.

– Это было давно. Сходи ещё раз, пожалуйста, – в голосе Линды чувствовался страх и переживание.

– Обещаю, мой ангел. Завтра обязательно посету врача, – Джессика нежно поцеловала дочку в лобик, – а теперь кушай, и будем ложиться спать.

Доктор Рединг пристально изучал МРТ лёгких, а Джессика в это время пыталась прочесть его мысли, но на лице местного эскулапа, как у профессионального игрока в покер, ни один мускул не дрогнул. Просто маска с холодными глазами.

– Вы говорите, что около года назад обращались к нам, и вам, мисс Олсон, сказали, что ничего страшного? – отложив снимок, спросил врач.

– Да, только врач был другой, совсем молодой. Он прописал вот эти таблетки, – Джессика достала из сумочки упаковку, улыбнулась и продолжила, – его фамилия Томас. Я, почему запомнила, так звали кота, который жил у меня в детстве. У меня что-то серьёзное?

Доктор Реддинг оторвал глаза от упаковки с таблетками и размеренно, не делая акцента ни на одном слове, приятным для слуха голосом, словно навигатор в автомобиле, начал рассказывать дальнейшие действия.

– Постарайтесь сегодня ничего ни есть, пейте сок. Завтра нам нужно произвести полное обследование, взять анализы, исходя из них, и составим план лечебного процесса. По всем признакам у вас аденома. В этом нет ничего страшного, правда потребуются хирургическое вмешательство. К этому и будем вас готовить. Извините, но я обязан это спросить. Что у вас со страховкой?

– У меня НМО, план серебряный.

– Эти ребята оплатят процентов 70, не больше.

– Я найду остальные, – сказала Джессика, жалея, что придется воспользоваться банковским счётом, на котором несколько лет копили деньги для будущей учёбы Линды в университете.

– Ну и замечательно, – сухо сказал доктор Реддинг, – тогда, завтра в девять утра.

Она вышла из кабинета, не зная, что думать. Выражение “хирургическое вмешательство” ещё никому и никогда не придавало оптимизма, кроме тех, кого боль начинала доводить до безумия. Джессика была не в их числе, поэтому страх заглянул к ней. Она оглянулась по сторонам, стараясь чем-нибудь отвлечь себя, и прямо перед собой увидела школьную знакомую Мэри Холт в белом халате, спускающуюся по лестнице. Последний раз они виделись, вспомнила Джессика, когда в её животе стучала ножками Линда. Они посмотрели друг на друга и одновременно улыбнулись.

– Джесс, как я рада тебя видеть. Сколько лет прошло, – Мэри подошла ближе и уже хозяйски продолжила, – так, нечего здесь стоять посреди коридора. Пошли ко мне в кабинет, там и поговорим. У меня на сегодня приём закончен.

Аромат заваренного кофе перебил запах медикаментов, предрасполагая к разговору. Две давние школьные подруги увлеченно рассказывали, перебивая друг друга, что происходило с ними в эти годы, не замечая, как вращаясь, минутная стрелка, передвинула часовую на две цифры дальше.

– Джессика, не волнуйся. Аденома – не саркома, – с присущим всем врачам толикой чёрного юмора пошутила Мэри, – а с таким специалистом, как доктор Реддинг, тебе нечего бояться. Он врач от бога. Удалит опухоль, и будешь, как новенькая. Завтра, после обследования зайди ко мне. Расскажешь, как всё прошло.

Они попрощались, и Джессика направилась в сторону больничной стоянки, где её ожидал так полюбившийся светло зеленый большеглазый Ford Fiesta. Хотя и со спины, но доктора Реддинга она узнала сразу, который что-то эмоционально объяснял другому врачу, стоя в проходе между машинами.

– Ты понимаешь, он её убил, – долетели до Джессики полные негодованием слова доктора, – помнишь, год назад я уезжал на Всеамериканскую медицинскую конференцию в Чикаго. Так вот в эти дни этот выскочка Томас был вместо меня. Я был против этого, но папины связи этого юнца сделали своё дело.

Джессика тихо открыла водительскую дверь и села на сиденье, ловя каждое слово доктора, при этом оставаясь незамеченной для него.

– Подожди, этот тот Томас, которого полгода назад отец перевел работать в центр по контролю и профилактике заболеваний? – прозвучал голос коллеги Реддинга.

– Да, тот самый, там он хоть никого не похоронит. Я продолжу. Тогда на приём к нему пришла некая Джессика Олсон с жалобами на постоянный кашель, и этот урод, другого слова я не могу подобрать, не удосужился провести обследование. Он только посмотрел на снимок, и ничего не обнаружив, просто выписал ей таблетки от кашля. Его даже не затронуло то, что она

работает на химическом производстве. И вот сегодня она пришла снова. У неё уже началось развитие метастаз. Что я ей скажу?

– А как Томас не увидел опухоль?

– Очаг был расположен под костной тканью грудной клетки, а этот недоумок, наверно, прогулял ту лекцию, где рассказывали о сложностях выявления рака лёгких на начальной стадии.

– Подожди, Рединг, может, ты ошибаешься и опухоль доброкачественная? Ты уверен в метастазах? Проведешь полное обследование и тогда уже делай выводы.

– Я стал бы самым счастливым человеком, если действительно заблуждался, но мой опыт и знания подсказывают, что я прав. Доброкачественные опухоли легких чаще развиваются из главных и долевых бронхов. Эта опухоль из сегментарных, 99 процентов, что это рак. И самое страшное, время упущено.

Руки Джессики нервно стучали по рулевому колесу. Понимая, что надо ехать домой, она пыталась успокоиться и сконцентрироваться на дороге. Это получалось с большим трудом, поэтому обратный путь Джесс ехала очень медленно и осторожно. Она не хотела, чтобы Линда увидела её в таком состоянии, и была рада, обнаружив записку на столе, что дочка с подругами ушла в кино. В её распоряжении было два часа привести себя в порядок.

За ужином, на вопрос Линды, что сказали в больницы, Джессика сумела сдержаться, чтоб не расплакаться и рассказала ей о своей встрече со школьной подругой Мэри Холт. Волю слезам она дала уже ночью, уткнувшись в подушку и мучая себя вопросами: “Почему с ней, и что дальше?”.

Джессика не ожидала от себя такого. Проснувшись утром, она была полна решимости бороться до конца, даже не представляя, как именно. Посмотрев в зеркало, Джесс не узнала свой взгляд. Из доброго, напоминающего глаза месячного котёнка, он превратился в цепкий взор львицы, готовой вступить в смертельную схватку. Никаких сомнений, чего бы это ни стоило.

Проводив Линду до остановки школьного автобуса, она вернулась домой, села за компьютер и в поисковике набрала два слова – “рак лёгких”. Джессика сопоставляла то, что услышала на стоянке с данными, выдаваемые мировой сетью. Ответ на один из вопросов, терзавших её вчера, она нашла наполовину. “Что”, так и осталось неизвестным, а вот “дальше” получило свою единицу измерения – год или немного больше.

В девять утра Джесс открывала дверь докторского кабинета. Она поздоровалась, но улыбку пришлось выдавить. От её глаз не скрылось, что то же самое случилось и у Рединга. Решив не мучить их обоих, она спокойно сказала, смотря прямо на него:

– Вчера случайно подслушала ваш разговор с другим врачом около машины.

От неожиданности доктор Рединг отвел глаза и опустил голову. Его память не нашла ту дату, когда в последний раз он не знал, что ответить. Джессика не стала выдерживать театральную паузу и продолжила:

– Я знаю, у меня есть год. Вы на стоянке упомянули мою работу на химической фабрике, и у меня возник вопрос. Мою болезнь можно квалифицировать, как профессиональное заболевание?

– Вы хотите судиться? Вам нужны деньги?

– Доктор Рединг, у меня 15-летняя дочь, которая скоро войдет во взрослую жизнь, а я этого не увижу. Поэтому, после себя хочу оставить то, что ей понадобится в первую очередь. Вы сможете мне помочь с медицинским заключением?

– Извините, мисс Олсон, не обижайтесь, но вы рассуждаете очень примитивно. Причина возникновения рака легких, конечно же, может быть профессиональной, но доказать это практически невозможно. Ваш бывший муж курил? – Джессика еле кивнула головой, – так вот пас-

сивное курение также причина рака легких. Я уже не говорю о генетической предрасположенности и экологии. Факторов много. Я думаю у вас ничего не получится.

– А если подам в суд на вашу клинику? Вы же, извините, доктор Рединг, я не имею в виду лично вас, год назад ошиблись, – в голосе Джессики появилась резкость.

– Ошибка доктора Томаса была вызвана только его квалификацией. На снимке действительно всё было чисто. Джессика, поймите, хорошие специалисты уходят работать в более современные и дорогие клиники. Ваша страховка, а она одна из самых дешевых, не позволяет обращаться туда. Какая страховка, такие и врачи, такое и лечение. Это я из тех динозавров, которых всё устраивает и здесь. Честно скажу, больше шансов у вас будет в тяжбе с фабрикой.

– Значит всё бессмысленно, – тихо проговорила Джессика.

– Мисс Олсон, у меня есть хороший знакомый – адвокат, который, кстати, утверждает, что у всего есть свой смысл. Я могу поговорить с ним. Он любит братья за дело, которое все вокруг считают однозначно проигранным. Его зовут Джеффри Родман.

Джессика слышала о нём по местному телевидению. Он считался если не лучшим в городе, то одним из них.

– Спасибо, доктор Рединг, но я не потяну такого адвоката. Будет тот, которого выделит профсоюз.

– Эти студенты, проходящие практику, точно вам не смогут помочь, а вот Джеффри мне обязан. Сказать честно, я просто делал своё дело, но он так не считает. Лет семь назад вытащил его с того света, о чём Родман не устаёт постоянно мне напоминать. Говорит, не люблю быть должником и всё. Такой вот человек. Думаю, настал этот момент.

Доктор Рединг договорился о встрече с Джеффри Родманом сегодня вечером в ресторане итальянской кухни Strada Mia 313. Перевод названия заведения Джессика восприняла, как знак – “Моя дорога”. После полного обследования (Рединг не ошибся, хотя он очень желал этого) был составлен курс химиотерапии, и около 12 часов пополудни Джесс покинула больницу. Утро было насыщенным, и она просто забыла про Мэри Холт. Мысли были заняты другим.

Если ресторан снаружи по стилю напоминал средневековую гостиницу, то интерьер говорил только о современности. Такой красивый прыжок во времени. Джессика поняла, почему Джеффри Родман выбрал именно это заведение. По поведению и манере разговора он напоминал английского лорда – аристократа, но в руках, вместо трости, держал кейс с ноутбуком. Он тоже совмещал в себе века.

– В своё время, Рональд, ты выполнил свою работу по высшему разряду, и я рад, что есть возможность ответить тем же. Не предлагал тебе деньги, всё равно не взял бы. Я знаю, эти бумажки для тебя не больше, чем таблетки от бедности, – после приветствия и знакомства с Джессикой, Родман обратился к доктору Редингу.

– Ты абсолютно прав, Джефф. Их должно быть в меру. Большое количество денег, как и таблеток, приводит к передозировке. А это смерть. Физическая или душевная – это уже без разницы.

– Не спорю. Но в этом мире, который как губка впитывает только низменные чувства, место, таким как ты, становится с каждым годом всё меньше и меньше. Людей, в своём подавляющем большинстве, уже давно не волнует душевная смерть, поэтому твоя философия, *top amí*, уходит в небытие, как честность политиков и совесть олигархов. Всё поглотил прагматизм и люди, исповедующие его, сами становятся рабами созданной ими же системы, не замечая этого. А вот это уже страшно, когда во главе целого народа стоит раб.

“Как он красиво говорит. Тембр, выставление акцентов, полная уверенность в правоте каждого сказанного слова – дар убеждения, наверно, у него с рождения”, – подумала Джессика. Доктор Рединг, словно читая её мысли, улыбнувшись, сказал:

– Джеффри, бросай свои адвокатские фокусы. Давай к делу.

– Извини, Рональд, конечно. Просто я сейчас, так сказать, в творческом отпуске. Никаких дел, поэтому иногда разминаюсь.

Адвокат Родман внимательно слушал историю, которую начала рассказывать Джесс, иногда перебивая, что бы уточнить некоторые детали. Его больше всего интересовало специфика работы на химической фабрике, и какое внимание уделялось средствам индивидуальной защиты. Рональд не сводил взгляд от Джеффри, пытаясь определить его выводы. За столом наступила тишина. Уткнувшись взглядом в одну точку на столе, лицо адвоката надело маску задумчивости. Казалось, было слышно, как мощный процессор в его голове заработал на полную катушку. Спустя минуты две он поднял голову и посмотрел на Рональда.

– Загадал ты мне задачку. Буду честным, я никогда не взялся бы за это дело, оно на сто один процент – проигрышное. Но это вызов для меня, Ронни. Ты лучший в этом городе доктор и мне это доказал. А я в ответ покажу, что я лучший адвокат в Сиракьюсе.

– Я так понимаю, уже созрел план действий. Можешь поделиться? Всегда в такие моменты хотел узнать, что у тебя за мысли.

Джеффри повернулся к Джессике и прямо сказал:

– Мисс Олсон, о вас будут говорить за прилавками в магазинах, в автобусе по пути на работу, будут обсуждать по местному радио. В каком-то смысле вы станете на время узнаваемой персоной. Сейчас объясню, что я задумал.

– Извините, мистер Родман, что перебиваю, но об этом узнает моя дочь. А я хотела от неё скрыть настоящую болезнь. Для Линды это будет удар, – растерянно сказала Джессика.

Доктор Реддинг мягко сжал её ладонь:

– Придёт время, когда утаивать уже не получится, рано или поздно. Считай, что оно наступило. Разницы нет, даже так будет лучше, поверь, – Рональд посмотрел на Джеффри, показывая, что они готовы слушать его мысли дальше.

– Как я правильно понял, – руки Родмана начали свой танец внушения, ненавязчивый, но склонивший не один десяток присяжных на свою сторону, – наша цель не выиграть суд, наша цель – деньги на будущее Линды. А откуда они придут, это второстепенное. Дело против фабрики мы не выиграем, это даже не оспаривается, но на этом возможно будет заработать. Со стратегией всё понятно, осталось выбрать тактику, точнее она уже есть, просто довести её до математической точности. Над этим я начну работать завтра.

– Джеффри, извини, но я не понял, так откуда будут деньги? – недоуменно спросил доктор Реддинг.

– Может для вас это выглядит кощунством, но для меня это решение поставленной задачи. Я буду делать шоу. Подключу газеты, телевидение, радио, общественных деятелей, а люди будут платить за это представление. Жалость – это единственное оружие, которое безболезненно убивает скудость.

Джессики было обидно и очень неприятно это слышать. Циничность Родмана отталкивала и он, почувствовав, как она напряглась внутри, сказал:

– Мисс Олсон, я адвокат, и поэтому мне приходится иногда поступать, как сволочь, называя вещи своими именами. Возьмите визитку, решайте до завтра и дайте свой ответ. Готовы ли вы на это пойти или нет? Если не позвоните, я приму это как отказ.

Джеффри встал из-за стола, попрощался и уверенной походкой пересек площадь зала. Знание человеческой природы ему говорило, что Джессика согласится. Ради дочери матери идут на всё. У неё просто нет другого выхода.

– Не могу тебе советовать, это только твой выбор. До завтра много времени хорошо подумать, – в голосе доктора Реддинга чувствовалось, что идея Джеффри ему тоже не по душе, но половина батона лучше, чем совсем без хлеба.

Джесс поблагодарила Рональда за всё, что он пытается для неё сделать и сев за руль, решила съездить на берег озера Онондага. Здесь было совсем недалеко, а безмятежная водная

гладь, отражающая закат солнца, поможет всё спокойно обдумать, поглотив эмоции и оставив только холодный расчет.

Она вышла из автомобиля и, по-мужски облокотившись на капот, скрестила руки на груди, всматриваясь в спрятавшийся за шторами вечера горизонт. Легкий низовой ветерок принес Джессики мысль, что она и озеро очень похожи. Дело в том, что более века воды Онондага принимали на себя удар химического концерна в виде выбросов углеводородов и хлорированных бензолов. Дальше стало ещё хуже. С 1946 по 1970 год в озеро было выброшено около 70-ти тонн ртути, и некогда священное место для ирокезов превратилось в мертвую зону. В Сиракьюсе не нашлось бы ни одного смельчака, кто готов искупаться в нём, а вкус здешней рыбы был напрочь забыт местными жителями. И только последние лет пятнадцать, как штат занялся этой проблемой, но без особых успехов. Онондага тоже было тяжело больна. Разница была только в диагнозе – у озера он не был столь категоричен.

Слабо уловимые накатывающие волны на берег совпадали с пульсом Джессики, словно это в унисон стучало сердце, спрятанное в глубине, показывая, что оно тоже живое и чувствует боль. Несмотря на то, что некогда кристально чистые воды Онондага были отравлены местной промышленностью, озеро всё также сохраняло свой магнетизм и красоту.

“Как много общего, – думала Джесс, всматриваясь в темноту, где на другом берегу укрылся химический завод, – оно тоже пострадало от него и только неравнодушные люди смогли это остановить”. Она вспомнила, как в юности, внимание всего города было уделено предотвращению дальнейшего загрязнения: выступления экологов, заявления властей города и штата, интервью с представителями индейских общин, плакаты “Руки прочь от Онондага”, “Природа нам этого не простит” и “Здоровая вода – наше здоровое будущее” напротив управления фабрики. В какой-то момент весь Сиракьюс говорил только об этом. И тут в голове Джессики прозвучали слова Джеффри Родмана про телевидение, газеты, радио и шоу. Последние сомнения исчезли как болид Формулы 1 за первым поворотом после прямой старт-финиш.

Тисненные золотом цифры номера мобильного телефона на визитке адвоката не давали глазам напрягаться, отсвечиваясь в темноте вечера от стоящего недалеко дорожного фонаря. Голос Джеффри в этой тишине прозвучал так громко, что Джесс вздрогнула от неожиданности, как будто он стоял у неё прямо за спиной:

– Алло. Я слушаю.

– Мистер Родман, это Джессика Олсон. Мы сегодня вечером...

– Я вас помню. У меня очень хорошая память, несмотря на то, что мы не виделись целых два часа, – умение перебивать собеседника и ирония не были чужды Джеффри, но дальше он продолжил уже серьёзно, – мисс Олсон, значит, начинаем работать вместе?

– Да, я согласна.

– Это ваш телефон? – услышав подтверждение, Родман добавил, – оставайтесь всегда на связи. Я очень рад, что вы согласились. До встречи, Джессика. Теперь я буду называть вас по имени, ведь мы уже компаньоны.

Возвращаясь домой к Линде, она понимала, что наступил период, который изменит её безвозвратно. Последний и он самый важный в жизни. Главное, чтобы хватило сил выдержать всё это.

Глава 4. Восемь дней

Роберт видя, что Айван весь остаток дня был погружен в свои мысли, не задавал больше никаких вопросов. Для него это стало загадкой. Что могло так озадачить этого русского – человека, как ему казалось, без нервов. Обычное свидание с женой не должно было так его напрягать. Кейт надеялся, что рано или поздно он узнает причину странного волнения своего соседа по камере, а сегодня, наверное, будет сделан антракт в пьесе с банальным названием “Моя жизнь”. Роберт снова ошибался. Стеблин ненавидел себя в таком состоянии, и уже давно научился не только прятать озабоченность, но и отключать её. Спокойствие было вторым именем Айвана, а рассказ служил отличным способом расслабиться, так что перерыв между актами в его планы не входил.

– Роберт, почему молчим? Я настроился и готов слушать. Или ты не рад, что затеял своё повествование? – вопрос обрадовал Кейта, но скрыть это от соседа не удалось. Небольшое изменение тембра голоса выдало его упоение.

За шесть лет отшельнического образа жизни в тюрьме, Роберт выговаривал среднесуточное количество слов минимум недели за три. В конце концов, сам того не замечая, он просто изголодался по нормальному общению, и поэтому сейчас оно приносило удовлетворение, а с таким внимательным слушателем, как Айван, вдвойне.

После похорон родителей Роберт переехал жить к дяди. Брат отца вместе с женой пытались окружить его полной заботой, но Кейт это воспринимал, не больше, как должное. Ему не хватало отца, человека, который стал для него идолом и Бобби был нужен новый пример для подражания. Вскоре он появился.

Вместе с одноклассниками он впервые попал на матч школьных команд по американскому футболу. Атмосфера, царящая на стадионе, просто пленила своим праздничным настроением. Громкая заводная музыка, выступление оркестра, самые красивые девочки школы в группе поддержки, улыбки взрослых и детей, танцы на трибунах – всё это предшествовало началу матча. И хотя на улице Роберт предпочитал бросать мяч в корзину, чем перекидываться “дыней”, сегодняшняя игра определила его выбор. Практически весь матч он наблюдал за действиями тренера школьной сборной. Найджел Николс, так звали наставника старшеклассников, всем своим видом производил на него яркое впечатление. Роберт понял, что он хочет быть ближе и походить на этого человека. Инстинкт подражания Кейта нашел себе новый пример.

– Как прошел матч? – заинтересованно спросил дядя во время ужина, и был очень рад, увидев с каким воодушевлением и интересом Бобби начал рассказывать об увиденном.

На следующий день после уроков Роберт пошел на стадион и, в одиночестве расположившись на секторе, смотрел за тренировкой. Он опять неосознанно наблюдал, в основном, за работой Найджела Николса, вслушиваясь в его команды, глухо звучащие и отдающие эхом в маленькой чаше из пустых трибун. Его присутствие не прошло незаметным. Когда тренер, пожелав удачи, поблагодарил всех за хорошо проделанную работу, Роберт поднялся с сиденья и направился вниз к выходу. Уже находясь спиной к полю, он услышал голос Николса, который окликнул его:

– Парень! – Кейт обернулся, сомневаясь, что обращение было направлено именно ему, и в этот момент увидел быстро приближающуюся “дыню”.

Роберт среагировал мгновенно. Резко развернувшись в сторону, откуда летел мяч, он слегка нагнулся вперед и вытянул обе руки навстречу. Поймав, прижал его к груди, выпрямился и уставился на тренера.

– Долго будем смотреть? На поле времени не будет. Бросай! – крикнул Николс.

Бобби кинул мяч со всей силы, пытаясь показать, на что он способен. Найджел с улыбкой поймал его одной рукой, но про себя отметил точность броска.

– Как тебя зовут?

– Роберт, – ответил Кейт с появившейся из ниоткуда волнительной дрожью.

– Приходи завтра в шестнадцать часов. Посмотрим, на что ты способен, – Николс вернулся и пошёл вслед за своими подопечными в раздевалку, а Роберт ещё некоторое время стоял, молча смотря на поле, пока не прошел этот приятный трепет.

Дядя прекрасно видел и понимал, что не способен завоевать уважение и любовь племянника, поэтому старался не быть навязчивым. Время всё расставит по своим позициям, а сейчас занятия американским футболом было то, что могло внести в жизнь Роберта цель, а значит и смысл. Брат отца был рад его выбору. Он не спрашивал, как успехи на тренировках, что говорит тренер, а просто ждал, когда Бобби сам об этом начнёт рассказывать. И в те редкие моменты, дядя замечал, как меняется Роберт при упоминании Найджела Николса. Глаза загорались, речь становилась быстрой, и он постоянно сбивался, но это его не останавливало. Бобби описывал каждый шаг, каждое слово, каждый жест тренера. Брат отца не видел в этом ничего плохого. Если он не в состоянии стать примером, то против кандидатуры Николса ничего не имел. В каком-то смысле, первый тренер, это всегда, как второй отец.

Обособленность Роберта ярко проявилась в это время. Американский футбол, как и все командные игры, требовал дружеских отношений с партнёрами не только на поле, но и за его пределами. Если во время игр и тренировок Кейт старался работать на команду и замечать всех, то после у него не возникало желания гулять вместе на вечеринках в честь очередной победы. И только когда на них присутствовал тренер, что было, не так часто, он тоже обязательно приходил. Но стоило Найджелу Николсу уйти раньше, как Роберт упорно с тоскою ждал окончания, сидя около стенки и абсолютно без интереса наблюдая за танцами и разными конкурсами. Такое поведение Кейта замечали многие и ошибочно связывали это с потерей родителей, полагая, что в скором будущем это рана заживет. Прошло всего только три года. Но на самом деле Роберт не воспринимал людей, у которых нечему научиться, без разницы в возрасте – ровесники или старшее поколение. Как толпы поклонников ходят на премьеру фильма только ради игры своего любимого актера, а сценарий и режиссура их не волнует, так занятия американским футболом он посещал только, чтоб увидеть тренера Николса.

– Роберт, – Стеблин открыл глаза и спросил, – то есть когда все твои сверстники хотели быть похожи на Арнольда Шварценеггера, ты выбрал своего тренера по футболу. Почему?

– Не знаю, Айван. Наверное, потому что он был рядом, на расстоянии руки, а не внутри телевизора. Если ты каждую тренировку подглядывал за ним и открывал для себя что-то новое, то герой фильма, заученный наизусть, через неделю становился неинтересен.

– В этом есть какая – то логика. Продолжай.

Роберт не был лидером на поле, но и на скамейке запасных отсиживался довольно редко. Понемногу Найджел Николс подтягивал его и ещё нескольких игроков к основной команде. Помимо престижа и уважения среди ровесников, выступление за старшую школу несло в себе неплохие шансы поступить в колледж, где была своя сборная по американскому футболу. В отличие от всех это не было первопричиной для Роберта. Просто здесь он мог больше общаться с тренером, поэтому игра за первую команду стало его целью. И она была достигнута.

Игроки чувствовали и вели себя, как представители высшей касты. В этот трудный возраст очень сложно не подхватить звездную болезнь, когда тебе начинают аплодировать пару сотен зрителей на трибуне и твои глаза встречаются со взглядом красивой девочки в короткой веселой юбочке из группы поддержки, в котором читается огромное желание прогуляться сегодня вечером именно с тобой на зависть своим подругам. И вот этой малой доли славы хватало, чтобы забыть о кумирах, считая, что ты уже сам стал личностью и никаких секретов для тебя больше не существует. Найджел Николс пытался сделать всё, чтобы его подопечные

ходили по земле, но для этого требовалось быть с ними день и ночь. Больше кнута, чем прыжка, серьёзные физические нагрузки давали свой эффект, но только до конца тренировки. Он знал многих, кто подавал большие надежды и которые, перестав слушать умные советы, после жесткого приземления так и не смогли найти в себе силы подняться. Падение с низкой высоты может быть таким же убийственным, как и с облаков. Найджел Николс понимал всё, как никто другой. Он сам прошёл через это, и теперь, вместо позиции квотербека в Нью-Йорк Джайентс, тренирует детей в обычной школе.

Роберт старался избегать эту касту восходящих “звёзд”. После тренировки он сразу шёл к машине дяди, где уже обязательно, сев на пассажирское сиденье открывал полностью окно и свешивал руку наружу. Так делал Найджел Николс. В свою очередь старшие игроки не спешили принимать в свой круг прибывшую молодежь, соблюдая вне поля возрастную дистанцию и присматриваясь к ним. Роберт не выделялся в игре чем-то выдающимся технически, но самоотдача, упорство, а самое главное – отсутствие жалости в первую очередь к себе, а потом уже к сопернику вызывало уважение. И если на арене Кейт был одним из стаи, то за кассами стадиона он, как по взмаху палочки неизвестного волшебника, превращался в одиночку, одевавшего сначала бутсы на левую ногу, а затем на правую, как его тренер.

Спустя год отчужденность Роберта уже начала многих нервировать. Кто-то считал, что команда одно целое и вне поля все должны держаться только вместе, а кто-то, что Кейт слишком большого мнения о себе, считая, что выше всех и они слишком примитивны для него. А кто-то повнимательней уже четко видел в цвете и выборе одежды, во всех движениях Роберта старание повторить жесты, мимику, привычки Найджела Николса. Среди ровесников такое поведение воспринималось как лизоблюдство ради будущей карьеры в американском футболе и это вызывало просто неприязнь, но не более того.

После очередного матча чемпионата среди школ, Роберт внимательно выслушав небольшие претензии и наставления на будущее своего тренера вышел из раздевалки и направился на выход, прокручивая в голове сегодняшний матч и слова Найджела Николса. В небольшом коридоре подтрибунного помещения он увидел девушку, которая игриво улыбнувшись, прямо посмотрела на него и весело прошептала:

– Привет. Я знаю, как тебя зовут. Ты – Роберт Кейт, – она протянула руку, – а меня зовут Синди Николс. Мой отец говорил о тебе. Отличная игра получилась.

Бобби даже не смог выдать из себя простое слово “спасибо”. Слегка пожав ладонь Синди, смущение полностью взяло его в свои владения, окрасив лицо в красный цвет, он все-таки пробурчал что-то вроде благодарности и быстрым шагом направился на улицу, не видя, как она, обернувшись, недоуменно провожала взглядом. Несмотря на то, что Роберту шел пятнадцатый год, это было его первое спонтанное общение с девочкой. Милой случайной и уже знакомой незнакомкой.

Все мысли в этот долгий осенний вечер свелись только к двум. Первая, почему он не знал, что у тренера есть дочь, а вторая – он хочет снова её увидеть. Перед сном он долго и поразному представлял себе эту встречу, но не мог придумать сопровождающий её диалог.

Весь следующий день глаза Роберта непроизвольно бегали по сторонам пытаясь отыскать Синди, а падающие желтые листья в школьном дворе придавали его поискам оттенок мечтательной романтики, которую он никогда до этого не испытывал. Он хотел сосредоточиться на уроках, но все попытки были безуспешны. Сегодня Роберт летал, и это не прошло незамеченным для учителей, сделавших ему пару замечаний. После школы Роберт пошёл прогуляться в парк, чтобы убить этот долгий час до тренировки. Он всегда так делал, но сейчас, погруженный в новое для него состояние слепой задумчивости, впервые не заметил, как пролетели эти шестьдесят минут, опоздав немного на стадион. Решительный голос тренера Николса мгновенно очистил голову Роберта от этой дымки, внося полную ясность в мысли.

– Так, парни, разомнемся. Десять кругов вокруг поля и забыли о вчерашней игре, а то я вспомню предыдущую. Надеюсь, этого никто не хочет.

Найджел, после точного броска, который сделал Роберт при знакомстве с ним, видел в нём квотербека, но природная скорость, которую продемонстрировал Кейт, изменила его мнение. Уже в тринадцать лет Бобби выбегал из одиннадцати секунд на стометровке. Он прекрасно помнил, как к нему подошёл тренер по лёгкой атлетике и вполне серьёзно сказал, что в Барселоне ты бегать не будешь, а вот на следующих Олимпийских играх в Аталанте защитить честь страны есть все шансы. Роберт тогда отказался, так и не объяснив ему причину, почему он останется у Найджела Николса. Его скорость и забронировала за ним место бегущего в команде. Роберт обходил защитников соперника словно горнолыжник флажки ворот, хитро маневрируя между ними, а заветный тачдаун был вишенкой на торте этого действия. Если в американском футболе игрока без мяча можно атаковать только “в лицо”, то мчащегося раннербека с любой стороны. Роберт уже давно привык к бесконечным гематомам по всему телу и не обращал на них никакого внимания. Болевой порог рос вместе с ним.

Сегодняшняя тренировка была с акцентом на силовую подготовку, и после разминки каждый занялся упражнениями согласно своим функциям на поле под пристальным наблюдением Найджела Николса. Он категорически ненавидел, если кто-то пытался хитрить и работать не с полной самоотдачей. Роберт расположился около бровки и начал заниматься растяжкой. Следующим занятием был бег по лестнице между трибун с гантелями в руках. Он знал количество ступенек наизусть, но все равно, при каждом забеге считал, и когда числа не сходились, был зол на себя за потерю концентрации. Как при подъеме, так и при спуске Роберт смотрел строго под ноги (оступиться и дальнейшее падение по лестнице в его планы не входило), поэтому не видел, кто заходил на стадион, но этот голос он узнал сразу.

– Папа, привет! – голос Синди звонко пролетел в неожиданно возникшей полной тишине пустого стадиона.

Найджел Николс был не меньше остальных удивлён появлению дочери. Он запрещал ей посещать тренировки команды. Это касалось и подруг игроков. Присутствие их на матче было хорошим мотиватором для парней показать всё, на что они способны, но на тренировках девочки только отвлекали и, не желая этого, вносили в фундамент будущих побед трещину. На лице Найджела Николса проскочила тень злости, так как был сбит ритм тренировочного процесса, а это он позволял делать только себе, и то не всегда. Синди поняла, что отец, мягко сказать, не сильно был рад её видеть здесь, быстро заговорила:

– Папа, я уйду. Просто хотела предупредить, что мы с подружками сегодня вечером пойдем в китайский цирк. Здесь недалеко.

Она давно заметила Роберта на лестничном проходе и, повернувшись в его сторону, едва заметно махнула рукой в знак приветствия, а затем, быстро развернувшись, слегка подпрыгивая, направилась к выходу. На следующем забеге Кейт забыл считать ступеньки и не заметил, как оказался уже наверху. Он видел афиши этого цирка, но ему и в голову не приходила мысль, что Синди таким образом хотела, как бы случайно, встретиться с ним.

После тренировки около главного входа Кейта на машине ждал дядя. Их отношения за эти четыре года не стали хуже, но и теплыми со стороны Роберта их назвать можно было с натяжкой. Он всё также считал его слабым. Брат отца понимал, что племянник покинет его дом при первой возможности после совершеннолетия, а до этого он просто обязан проследить за ним.

Роберт удобно расположился на пассажирском сиденье, ожидая дежурных вопросов о том, как прошла тренировка, что говорит тренер Николс и с кем следующая игра. Но сегодня он ошибся. Дядя повернулся к Роберту и тихо сказал:

– Бобби, я не был в цирке с тех лет, сколько тебе сейчас. А когда ехал сюда, на перекрёстке со мной сравнился цирковой рекламный фургон. Я показал два и через секунду мне в окно протянули билеты на сегодняшнее представление. Как ты, не хочешь пойти?

На удивление, Роберт согласился с большим удовольствием и причиной, естественно, была Синди.

Все представления о китайцах у Кейта были по фильмам с участием Брюса Ли и Джеки Чана – маленькие, гибкие, быстрые и все поголовно владеют восточными единоборствами. Огромный шатер цирка был заполнен до отказа и перед началом представления, пока он был полностью освещен, Роберт пытался в этой толпе найти Синди, не догадываясь, что она, пропуская мимо ушей щебетание подруг, делает то же самое, надеясь, что он услышал её на стадионе и пришёл. Когда зрители расположились по своим местам, светотехник неожиданно выключил все лампы и только арена, под лучами направленных на неё прожекторов, выглядела островком света, вырванным из тьмы. Выступление артистов завораживало. Одно дело видеть его по телевизору, а другое вживую, когда твои глаза просто не верят, что люди на такое способны. Роберт не мог отвести взгляд от действия, всеми чувствами окунувшись в атмосферу происходящего чуда. Акробаты и жонглёры, иллюзионисты и звукоподражатели заставляли весь зал погрузиться в полную тишину, при которой отчётливо было слышно дыхание артистов и звук ударов анкерного хода с регулятором на собственных наручных часах. Но стоило закончиться номеру, как шатёр взрывался оглушительными аплодисментами и труппа, явно довольная собой, с кроткими восточными улыбками слегка и часто кланялась в знак благодарности и признания.

Представление пролетело со скоростью, когда время становится незаметным, заставив Роберта забыть о главной причине его присутствия здесь. И только когда шатёр полностью осветили все прожектора он снова начал высматривать Синди среди поднимавшихся со своих мест зрителей. И наконец-то увидел её. Она сидела с подругами напротив него через арену, ожидая, когда пройдут те, кто был ближе к выходу, поэтому к нему они подошли почти одновременно с разных сторон. Синди почувствовала на себе долгий взгляд, повернула голову чуть назад и когда их глаза встретились, одарила Роберта своей прекрасной улыбкой, которая не осталась без ответа.

Уже на улице, не выдержав натиска вопрошающих взоров своих подруг – сестёр близняшек, она познакомила его с ними. Девочки рассмеялись, думая, что Кейт всегда ходит в футбольном шлеме, поэтому не узнали его. А дядя, впервые отметил для себя Роберт, повёл как настоящий мужчина, тихо прошептав, что он поехал домой, а Бобби уже взрослый и доберётся автобусом, вложив в руку купюру с портретом Улисса Гранта.

– Мы с девочками сильно проголодались. Роберт, как насчёт большой ароматной пиццы? – Синди посмотрела на Кейта, который не успел согласиться, как близняшки, перебивая друг друга, снова заверещали.

– Нет, Синди. Нас дома ждет самый вкусный яблочный пирог в мире, который сделала мама. Поэтому животики пусть будут пустые! – и, постучав по ним ладошками, весело рассмеялись, – у тебя есть компания.

– Ну, хохотушки, как хотите! А мы с Робертом пойдем в пиццерию! – улыбнулась Синди и, видя смущение Кейта, взяла его за руку и потянула за собой.

Это было его первое в жизни свидание, на которое никто никого не приглашал. Только в кафе Роберт понял, насколько он проголодался. Тренировка забрала физическую силу, а китайцы – эмоциональную, поэтому организм с огромным удовольствием и быстротой принял первый ломтик пиццы, вызвав веселую реакцию внутри у Синди. Затем они просто болтали об увиденном представлении, учителях, своих одноклассниках, любимых уроках, пока в зале не зазвучала песня восходящей поп-звезды Мэрайя Кэри “Emotion”. Синтия знала её наизусть

и сразу тихо, качая в ритм головой, начала подпевать. Она выглядела так мило, что Роберт не мог оторвать глаза, понимая, что он окончательно в неё влюбляется.

Айван Стеблин открыл глаза и картинка исчезла. Он повернулся к Роберту и еле слышно проговорил (в тюрьме уже давно был отбой):

– Послушай, дружище. Давай на этом закончим третью серию. Не будем лишний раз нервировать охрану.

– Не вопрос. Я тоже собирался остановиться, – ответил Кейт.

Глава 5. Семь дней

Жизнь в тюрьме напоминала сломанный водопроводный кран, из которого монотонно, каплей за каплей падала вниз вода и исчезала просто высохнув. Точно так было и с днями в исправительном учреждении. Похожие друг на друга они тоже пролетали и испарялись временем, которому этого было мало и оно беспощадно поглощало затем недели, месяцы и годы. И каждый обитатель тюрьмы, будь то заключённый или охранник, пытался разнообразить эти дни по своему, чтобы память оставила их у себя на полке, не отдав на растерзание Хроносу, но не у всех и не всегда это получалось. Из шести лет, проведенных здесь, Роберт мог вспомнить дней двадцать. Остальные канули в Лету, но в одном он был уверен точно – эти последние десять дней он не забудет никогда. Кейт был рад разворошить улей с воспоминаниями, которые словно пчелы стали назойливо гудеть в голове и, от которых нельзя было убежать (он этого и не хотел), а потом выжидать вечер, чтобы выпустить их из себя.

Сегодня Роберт уже не спрашивал у Айвана готов ли он слушать дальше, а просто увидев, как Стеблин закрыл глаза, войдя в свой собственный кинозал для одного, продолжил рассказ.

Слухи о том, что Кейт встречается с дочкой тренера, мгновенно разошлись среди команды и, в конце концов, дошли до Найджела Николса. На строгий вопрос отца об их отношениях Синди ответила, что это просто дружба. И это не было ложью. Ей действительно было приятно общение со скромным Робертом, но те чувства, которые испытывал он к ней, были абсолютно другими. Девочкам легко дружить с мальчиками, не понимая, как это сложно для юношей. Зато прекрасно это знал Найджел Николс, что природа возьмет своё и через время появится желание. Он не имел ничего плохого против Роберта (уже жалея, что иногда рассказывал о нём Синди), но считал, что для дочери это общение рано, а запретить не хотел. Этим он только бы испортил с ней отношения, а как они ходили вместе, так и будут, только прячась. Запретный плод – он сладкий.

Зато в команде начались разговоры о том, что стелиться перед тренером это одно, а встречаться с его дочерью ради карьеры – это уже перебор. Конечно, были и те кто, зная веселую Синди и отшельника Роберта, прекрасно понимали, что первый шаг сделала она. И если это была бы другая девочка, никто против ничего не имел, но дочь тренера – совсем другое дело. Кейт ощущал, что отношения в команде к нему поменялось. Уже никто не подшучивал над ним за неудачно принятый мяч, а просто опустил головы, уходили с поля, меняясь на команду защиты. Только Найджел Николс никоим образом не подавал и виду, что происходящее между дочерью и Робертом его беспокоит. Он, как отличный квотербек скрывает истинную цель своего паса, прятал свои эмоции. И довольно искусно, так что многие в команде считали – он просто ничего не знает. Может, если бы появился повод, он не выдержал, но в игре Роберта с каждым матчем было всё меньше ошибок. Старание, отдача и работоспособность Кейта подкупала. Только он и Роберт знал причину этого прогресса. Теперь на трибуне во время матча всегда присутствовала Синди.

Наступила зима, и погода уже не часто позволяла наслаждаться её, прогуливаясь аллеями парка. Каждую неделю кто-нибудь из знакомых Синди проводил вечеринку, и она обязательно приглашала Роберта составить ей компанию. Кейт не в силах был отказать. Желание находиться рядом с ней побеждало его нелюбовь к таким мероприятиям чистым нокаутом. Она видела, что у Роберта это вызывает дискомфорт, несмотря на все усилия растормошить его. Сейчас был тот возраст, когда мнение подруг и друзей имело решающее значение. Кейту это не грозило, он так и остался одиночкой, а Синди не могла объяснить подругам, зачем она всюду таскает его за собой, отвечая просто, что он хороший.

Роберт раскрывался только тогда, когда они были вдвоём, а здесь, на вечеринках, он как всегда сидел и наблюдал. Только если раньше не было никаких эмоций, то теперь стоило только Синди заговорить с кем-нибудь из парней или согласится на танец, как просыпалась плохая, но обязательная спутница любви – ревность. Она живет в каждом человеке, но одни умело прячут её в тайниках души, крепко зажав ключ в кулаке, а другие становятся для неё лёгким завтраком. Синди понимала, что он злится из-за этого, но таким способом считала заставить его влиться в компанию и постоянно быть рядом. Да и просто любой девочке приятно ощущать, когда её ревнуют.

Вечерами Роберт думал о том, что был бы очень рад связать себя с этой семьёй. Найджел Николс был для него объектом подражания, как когда-то отец, а к Синди он испытывал первую любовь. Чувство, которое никогда не спрашивает тебя, можно ли войти в твою жизнь. Оно, как кошка, само приходит, или проходит мимо. Как он ошибался, представляя себя вместе с ними за ужином у них дома. Для тренера Роберт был не больше, чем хорошим учеником, которых за свою жизнь он видел предостаточно. Но если это Кейт мог проглотить, то юношеская наивность про первую и вечную любовь не позволяла понять произошедших изменений в отношениях с Синди. Кейт начал замечать, что иногда, особенно при подругах, она старается избегать его. Она больше не звала его на вечеринки, а отделившись простым “привет” и “мне надо бежать”, уходила в сторону. Поговорить на эту тему у него не хватало смелости, а самое обидное для Кейта было то, что он не мог найти всему этому причину. И это угнетало. Только на тренировках он прогонял тоску, отдаваясь им с тройной силой, глупо надеясь, что Найджел Николс будет хвалить его перед дочерью. В этом доме имя Роберта уже давно не упоминалось.

Он не собирался сдаваться, но и что делать, тоже не знал. В конце концов, он пришел к единственно верному решению, надо просто поговорить. Не выяснять отношения, а спокойно пообщаться, скрыв весь негатив и всю злость, накопившуюся за эти месяцы. А получится ли это – вот в чём вопрос.

В один из апрельских дней Роберт, придя в школу, изучил расписание уроков Синди и нашел место, где они могут пересечься. Он, как хищник в засаде, стоял в нише коридора, ожидая, когда мимо будет проходить она.

– Синди, привет! – Роберт для неё появился из ниоткуда. От неожиданности она застыла на месте, потом оглянулась по сторонам и тихо сказала:

– Кейт, ты меня напугал. Что ты хочешь? – и ещё раз обернувшись, увидела, как подруги в десяти ярдах не без любопытства наблюдали за их встречей.

– Синди, я думаю нам надо поговорить. Давай после школы сегодня в парке, около маленького фонтана, – проговорил Роберт интонацией, которая напомнила ему дядю и он очень её не любил. Там была просьба и жалость.

– Хорошо. Давно пора, – ответила она и, не сказав больше ни слова, быстрой походкой направилась к подругам, которые уже стояли наготове в стойке охотничьих собак, подняв головы вверх с внимательными мордочками, готовые слушать и слушать, что хотел Роберт. Синди не оправдала их надежд, сильно разочаровав, сказав, что они просто поздоровались. Одной темой, чтобы посплетничать, у девочек этим вечером стало меньше.

Солнце ещё не полностью согревало теплом света, но своими яркими лучами, проходящими сквозь молодую листву, рождала в голове Роберта мысли, что всё будет хорошо. Как ему этого хотелось! Он пришел первым, и присев на лавочку около фонтана в ожидании, устался на свои кроссовки Air Jordan V. Точно такие были у Найджела Николса. Кейт думал с чего начать разговор, но начальные фразы никак не получались. То, что казалось простым, на самом деле оказалось очень сложным.

Минут через десять он услышал шаги и поднял голову. Увидев Синди, он улыбнулся ей, но она не ответила тем же. Всем видом показывая, что спешит, присела рядом и спросила:

– Роберт, что ты хотел? Давай только быстро, у меня есть дела.

Такое начало разговора слегка ввело Роберта в ступор и, не зная, что сказать, он спокойно спросил:

– Какие дела, Синди?

Её реакция была более чем агрессивной, что вообще поставило Кейта в тупик, жалея о заданном вопросе. Он никогда не видел Синди такой.

– Почему тебе надо знать какие у меня дела? Почему я должна отчитываться перед тобой? Ты мне папа или мама? – её звучал резко и не отличался миролюбием.

Роберт не мог понять, чем так зацепил Синди. Об этом он догадался позже. На тот момент любой его вопрос, даже самый безобидный, вызвал бы точно такую реакцию – ответить так, чтоб он чувствовал себя виноватым перед ней, а она обиженной жертвой. Синди выросла, и женские хитрости просыпались в ней. Наверное, это происходит у них инстинктивно на генном уровне, потому что матери такому не учат. Роберт переборков оцепенение, посмотрел её в глаза и сказал:

– Синди, извини, я не хотел тебя обидеть. Мне было очень приятно гулять с тобой, разговаривать...

– Бобби, правильно, было. Всё прошло. У меня появились новые друзья, с которыми мне весело и интересно. Ты скучный. Это раз, а два, – она не хотела этого говорить, но не сдержалась, – почему у тебя одежда, как у моего отца? Почему, когда ты что-то рассказываешь, также держишь руки? Почему ты обуваешь ботинки сначала левую, потом правую, как он? Помнишь, ты отгонял от меня бродячую собаку? Ты точно также покрикивал и хлопал в ладоши на неё, как отец настраивает вас, когда выходите на поле! Я раньше этого просто не замечала, а сейчас мне это просто противно. Не хочу гулять с папой. Подруги смеются надо мной. Прошу, не подходи ко мне больше. В школе есть ещё девочки. Найди и гуляй! – Синди выдохнула и уже спокойным тоном добавила ставшую привычной последнее время для Роберта фразу, – Мне надо бежать.

Она испарилась, а Кейт снова уставился на кроссовки. “Откуда она узнала, что он шнурует ботинки, как её отец?” – спросил сам у себя Роберт. Только теперь до него дошло, что её подруги, а они всегда его недолюбливали, через своих знакомых в команде узнавали о нём всё и рассказывали ей, настроив Синди против Кейта. Роберт входил во взрослую жизнь со всеми её “прелестями”. Со всеми её поворотами, перекрёстками, кольцевыми и тупиками.

Она продолжала приходиться на матчи. Но теперь Синди смотрела на другого, выкрикивая ему хвалебные слова по поводу и без. Она специально нервировала этим Роберта, зная, что он её прекрасно слышит. Майкл, так звали новый интерес дочки тренера, играл в команде защиты и когда он находился на поле, Кейт с командой атаки стоял около лавочки запасных спиной к трибуне, наблюдая за игрой. Он хотел обернуться и просто посмотреть ей в глаза, но сдерживал себя, ожидая выхода на поле. Только на зеленой траве, размеченной белыми линиями через каждые десять ярдов, получалось отключить в голове Синди. Майкл был на год старше Кейта и уже готовился к выпускному балу. Если разница в возрасте не была так значительна, то вес и физическая сила были явно на его стороне.

Этот матч они проиграли и в раздевалке, клубными табачного дыма, висела напряженность. Каждый считал, что его доля в поражении минимальна, мысленно перекладывая вину на другого. На самом деле все в каждом моменте игры чуть не доработали, и в сумме получился проигрыш. Такое понимание причины неудачи приходит с годами, а сейчас, опустив глаза вниз, команда молчаливо слушала не слишком приятный монолог Найджела Николса. Он умел размеренно, не повышая голоса, а даже наоборот, убавив громкость, тем самым заставляя прислушиваться к каждому своему слову, заставить дрожать колени. По всему было видно, что он сегодня устал.

– Переодевайтесь и по домам, а завтра на тренировке продолжим этот разговор. Хочу видеть всех, – сказал Найджел Николс и тяжелой походкой направился к двери. Никто не посмел заговорить и пошевелиться, пока в коридоре слышались удаляющиеся шаги тренера.

– Не надо плакать, девочки. Как будто первый раз? У вас таких матчей знаете, сколько ещё будет? Слёз не хватит, – веселый и с издевкой голос Майкла разрезал тишину, вызвав смех у четверых его ровесников. Для них это была последняя игра за школьную команду, а дальше каждого ждала своя сборная колледжа. Никто из младших не осмелился поднять глаза в их сторону, кроме Роберта.

– Тебе что-то не нравится, Кейт? Ах да, я совсем забыл. Ты же Найджел Николс, только карманный. Зачем ждать завтрашнюю тренировку, когда меня уже там не будет. Начинай учить жизни прямо здесь и побыстрее, чтобы у Синди было больше времени меня уставшего после матча пожалеть. А потом, если хорошо попросишь, может быть, она пожалеет и тебя, но только после меня. Запомнил, малыш, только после меня, – Майкл, ухмыляясь и довольный собой, обвел взглядом всех присутствующих.

Тело Роберта начало немного дрожать, и это был не страх. Злость полностью овладела им, затмевая рассудок и наполнив глаза кровью. Он медленно встал с лавочки и направился к Майклу, который также поднялся и с игривой дерзостью спросил:

– Может, малыш, хочет меня ударить? Ну, попробуй, – он вытянул голову вперед, чуть опустил и постучал указательным пальцем себя по щеке, показывая куда.

За всю жизнь, так получилось, Роберт никогда не дрался из-за своего отшельнического образа жизни. Нет знакомых на улице – нет конфликтов, поэтому никто не ожидал от него такого. Правая рука Кейта вылетела снизу довольно легко и непринужденно (пробежки с гантелями не прошли даром), затем приняв траекторию бокового удара врезалась в то самое место, где пару секунд назад находился палец Майкла. Майк Тайсон и его коллеги по боксерскому цеху знали этот удар как мексиканский хук, но Роберт не имел об этом никакого понятия. Для него это был крик души, который громко зазвучал в его сжатой кисти. Майкл оторопел от неожиданности на доли секунды, и тут же его кулак вылетел прямо навстречу носу Роберта, который и принял всю его тяжесть. Кейт отлетел на пару ярдов, но устоял на ногах, видя, как бежевая плитка на полу раздевалки покрылась продолговатыми бордовыми пятнами крови. Он поймал себя на мысли, что совершенно не ощущает никакой боли – адреналин исправно выполнял свою работу. И впервые Роберт, как зашёл в раздевалку издал звук, точнее это был крик, с которым он кинулся на противника. Несмотря на свои габариты, Майклу не были чужды резкость и скорость. Он с легкостью ушел в сторону и провел захват. Оторвав Роберта от пола, без особых усилий, Майкл прокрутил его вокруг себя, заставив разлететься капли крови, и разжал руки, откинув Кейта в сторону. Он отлетел словно большой плюшевый медведь, который надоел повзрослевшей девочке, и она в сердцах бросила его со своей кровати в угол комнаты. Всем телом Роберт врезался в стену и медленно начал сползать вниз на пол. Он не потерял сознание, но подняться уже было выше его сил. Ноги просто не держали. Майкл был в ярости и готовился снова поднять и бросить Кейта, но его друзья, отойдя от шока, остановили дальнейшее избиение. Роберт слышал, как они говорили, сдерживая его, что это молокоосу уже хватит. Кейту помогли подняться и посадили на лавочку, прижав полотенце к носу.

– Девочки, что смотрим? Быстро переоделись и пошли вон отсюда. А этот, – Майкл кивнул в сторону Роберта, – пусть побудет один и подумает о своем поведении.

Кейт даже не заметил, как все разошлись, и только оставшись наедине с собой, заплакал навзрыд. Роберту не было жалко себя. Ему было обидно, что он оказался намного слабее Майкла. Спустя много лет он поймет, что на самом деле это была его первая победа. Резко отворилась дверь, и забежал дядя.

– Роберт, ты как? – еле выдавил он из себя, застыв посреди раздевалки. Кейт не хотел, чтобы его кто-либо видел в таком состоянии и сорвался:

– Что тебе надо от меня!? Что вам всем надо от меня!? Не видишь, у меня всё отлично! Я вас всех ненавижу! – у Роберта началась истерика. – Уезжай домой и ешь свою любимую пиццу. Я не хочу никого видеть! Слышишь, ни-ко-го!

Холодный душ плюс появившаяся боль в голове и усталость успокоили Кейта. На стоянке около стадиона стояла только машина брата отца с открытой пассажирской дверью. Весь путь они молчали и, только подъехав к дому, дядя заглушил двигатель, повернулся к Роберту и сказал:

– Послушай, Бобби. Я никогда в жизни не дрался и об этом жалею, а начинать уже поздно и нет смысла. У тебя было то, чего не было у меня и не будет, поэтому тебе завидую. Настоящий мужчина, хоть раз в жизни, должен это сделать. Один парень из твоей команды, по-моему, его зовут Стивен Хопкинс, мне всё рассказал. Роберт, ты молодец.

На тот момент не нашлось бы более правильных слов, чтобы успокоить бунтующее сердце молодого Кейта. А уже вечером в своей комнате он понял, что сегодня один человек умер для него навсегда. И фамилия этого человека была Николс, а имя Синди. Она причинила ему боль, которую он не заслужил. Боль в тысячу раз сильнее, чем кулак Майкла, и теперь между ней и словом “предательство” Роберт поставил две коротких параллельных черточки. Другого определения её поступку он не нашёл.

На следующее утро Кейт долго всматривался в своё лицо. От прямого удара в нос синева разошлась под оба глаза, выделив их, как у панды. С одной стороны ему не хотелось идти навстречу насмешкам в школу, но с другой, сегодня будет тренировка и он не может её пропустить. А здесь уже без разницы, где будут шутить за глаза. Слова дяди, сказанные вчера в машине, придавали уверенность, но объяснять учителям случившееся и врать очень не хотелось. В таких сомнениях брат отца застал его в комнате.

– Бобби, как ты себя чувствуешь? – спросил он с привычными для себя нотками жалости, которые и решили дилемму племянника. Сейчас он понял, что меньше всего хочет, так это сочувствие.

– Всё нормально, – холодно ответил Роберт и начал собираться в школу.

Новость о вчерашней драке в раздевалке разлетелась ещё до начала занятий. Кейту не надо было обладать сверхъестественным чувством, чтобы понять, как школьная волна вещает только об этом. Ещё никогда в его жизни взгляды в спину не были так ощущаемы. Для единиц он стал героем, а для остальных – дураком, который решил сразиться с торнадо, и пусть будет благодарен Майклу, что он его не отправил в больницу.

Синди относилась к большинству, но Роберта это уже не волновало. Она стала для него грязной и глупой. У Кейта легко получилось перепрыгнуть ступеньку ненависти между любовью и равнодушием.

Прогулявшись по парку перед тренировкой, Роберт уже подходил к главному входу стадиона, когда услышал голос Найджела Николса:

–Кейт! – он оглянулся и увидел тренера, стоявшего за кассами, который выдержав паузу, размеренно продолжил, – подойди ко мне и слушай внимательно. Я не могу запретить тебе ходить на стадион, но я могу запретить тебе ходить на тренировки. Команда – это не твоё. Бобби, иди на легкую атлетику, ещё не поздно. Футбол, пока я здесь, для тебя закончился. Тебе всё понятно?

Конечно, Роберт понимал, что после произошедшего он по головке не погладит, но чтоб выгнать из команды... Кейт стоял, опустив руки по швам, не зная, что сказать. И только когда Найджел Николс стал отходить, он сделал попытку хоть что-то произнести в своё оправдание:

– Но, тренер...

– Ты прекрасно знал, что драки внутри команды категорически запрещены, по крайней мере, в моей. Ищи ту, где можно, – он пристально посмотрел на Роберта и спросил. – Ты первый его ударил?

Кейт согласно промолчал, опустив голову, и только снова смог выдавить из себя:

– Но...

– Никаких но. Разговор закончен. Иди, Роберт, домой, – Найджел Николс был непоколебим.

Кейт ещё некоторое время стоял в стороне и смотрел, как его партнёры по команде подходили на тренировку. Правда, уже бывшие. За сутки на него выпало, выражаясь словами метеорологов, годовая норма отрицательных эмоций, поэтому Роберт сейчас не испытывал ничего. Не обиды на тренера, не злости на Майкла, не жалости к себе, никакого интереса к футболу – у него внутри наступила засуха. Он закрылся, и весь последний год полностью посвятил себя учёбе. Школа, дом, работа над уроками и снова школа. О своём будущем Роберт даже не задумывался, выбирая себе школьные предметы вслепую, изредка по вкусу. А на выходных его лучшим другом стал телевизор со своими разными шоу и фильмами.

– А как твой дядя на всё это смотрел? – шепотом спросил Стеблин, не открывая глаза.

– Несколько раз он пытался со мной поговорить, но я просил его мне не мешать. В итоге мы общались только на бытовые темы.

– Кейт, извини за категоричность, но по отношению к нему, ты вёл себя, как последний урод. Он единственный, кто переживал за тебя, – Айван открыл глаза.

– Я знаю и понял это, но только уже находясь здесь. Спасибо за прямоту, – улыбнулся Роберт.

– Выйдешь, найдешь его?

– А смысл? Мы не виделись 16 лет? Что я ему скажу? – это тема разговора заставила Кейта слегка нервничать.

– Ну, тогда так и останешься последним уродом. Спокойной ночи, – и Айван перевернулся на другой бок, не дождавшись ответа.

Глава 6. “Шоу” начинается

Джессика не могла себе представить какое влияние и знакомства имеет в городе адвокат Родман. Иногда ей казалось, что ему все должны. Везде, где он открывал дверь, его встречали с распростёртыми руками, с радостью спрашивая, чем они могут помочь самому Джеффри Родману.

Через два дня после их первой встречи, он позвонил Джессике, и они договорились о встрече в его офисе. Большой дубовый стол с настольной лампой тридцатых годов прошлого века и два шикарных кожаных кресла стоящих на изогнутых ножках. Напольные часы в виде медведя и такие же по размеру, ковёр с высоким ворсом, который заглушал любой шаг, дипломы в аккуратных резных рамках под стеклом на стене – всё это впечатляло. И как всегда Родман баловался со временем. Среди этой дорогой старины в углу комнаты стоял сейф последней модели фирмы AMSEC, отливаясь приглушенным холодным серебряным цветом. Джессика почувствовала себя очень неудобно в этой обстановке, но стоило Джеффри начать диалог, как весь дискомфорт испарился. Талант создать разговор и вовлечь в него любого собеседника на равных был у него в крови.

– Мне очень понравилась твоя параллель между собой и озером Онондага. Я уже вижу заголовки в газете, типа “Сначала озеро, потом мы, а кто следующий?”. Кстати, сегодня мы встретимся с одним из корреспондентов «Вечернего Сиракьюса» Питером Стоуном. Вчера я составил иск, – Джеффри достал лист бумаги, протянул Джессике, – ознакомьтесь и поставьте вашу подпись.

– Мистер Родман, я... – она не договорила, как адвокат мягким голосом перебил её.

– Джесс, мы, по-моему, договорились. Джеффри, просто Джеффри.

– Я не понимаю во всех этих юридических тонкостях, полностью доверяя... – Джессика опять запнулась, не зная, как сказать, вам или тебе. Родман улыбнулся и тихо прошелестел, как падающий лист:

– Тебе. Иначе я обижусь, а это будет мешать нашему общему делу. Хорошо, Джесс, просто поставив подпись.

Через час они на машине Джеффри выехали на встречу, назначенную в парке Бернет Пул. Журналист Питер Стоун оказался молодым человеком лет двадцати пяти, приятной, располагающей к себе внешностью. Они познакомились, и он сразу взялся за дело.

– Мисс Олсон, я буду задавать вопросы и всё записывать, – он достал цифровой диктофон, – вы не смущаетесь, он мне нужен, чтобы я ничего не пропустил. Это не будет интервью. Просто рассказывайте о себе. Чем больше я узнаю о вас, тем сочнее получится история. Мистер Родман, я вас правильно понял, нам надо поднять волну?

– Абсолютно верно, поэтому я обратился к тебе, Пит, – ответил Джеффри.

Стоун, несмотря на юный возраст, как для журналиста, обладал сумасшедшей хваткой. За свою небольшую карьеру он сумел сделать так, что его статьи, читал весь город, а на следующий день ждал следующую. Главный редактор без тени сомнений пророчил ему своё место, но если быть честным, он просто боялся, что Питер уйдет в другое издательство и этим пытался его удержать, прекрасно понимая, что этот парень заслуживает большего.

Стоун умело задавал вопросы, которые с первого взгляда казались, не имели ко всему произошедшему никакого отношения. Когда Джессика, задумавшись, замолкала, он слегка вопросительным тоном просто повторял два-три последних её слова, и она сразу с незаметной для себя легкостью продолжала свой рассказ. Психологическими приёмами он владел в совершенстве. Питер прекрасно видел, что ни в одном слове Джессики не было лжи. Она не пыталась ничего выдумать и это ему очень импонировало. Он не любил людей, которые пытались его

обмануть, считая, что тем самым они принимают его за глупца. Свои мозги Стоун очень ценил и был рад сотрудничать с Джеффри Родманом, у которого можно было многому научиться. Только умные люди понимают, насколько они мало знают. Питер был одним из них.

Так называемое интервью продолжалось около часа, и Джессика не заметила, как рассказала почти всю свою жизнь до сегодняшнего дня. Джеффри всё это время безмятежно бродил рядом со своими мыслями, всем видом излучая глубокое спокойствие, напоминая сытого кота, которому надоело спать, и тот решил прогуляться, с любопытством разглядывая деревья, как будто видит их в первый раз.

– Правда, фотограф я не сильный, но прилежно учусь. Мисс Олсон, я сделаю несколько кадров для статьи. Понимаю, это нелегко, но вам надо сейчас улыбнуться. Читатель должен видеть жизнь, которой..., – слова “вас лишают” Питер не смог договорить и, развернувшись, достал из сумки фотоаппарат Olympus.

За последние месяцы Джессика немного потеряла в весе, но не потеряла в привлекательности. Только теперь скулы слегка подчеркивали красоту её лица. Жизнерадостная улыбка получалась натянутой и неестественной. Джесс ничего не могла с этим сделать. Мозг отказывался ослабить мышечный тонус для её появления – он был загружен проблемой. Питер видя, что ей это не удаётся, сказал:

– Мисс Олсон, пойдем другим путём. Посмотрите верх на листья и вспомните, пожалуйста, какой-нибудь добрый момент из своего детства. Не буду вам мешать.

Он отошел в сторону и смотрел на Джессику. Она вспомнила, как маленькой девочкой играя вместе с подругами, они поднимали опавшие листья и снова подбрасывали их вверх, а выигрывала та, у которой он дольше летал. Как искренне она радовалась этой своей крошечной победе! Через несколько секунд на её лице появилась мечтательная улыбка, и Питер сразу нажал на спусковую кнопку, затем отодвинул фотоаппарат и внимательно начал всматриваться в цифровой экран, оценивая получившиеся снимки. Джессика, с короткой мальчишеской причёской, задумчиво приподняв глаза вверх, и кроткой улыбкой, выглядела очень мило. Стоун был рад – это то, что нужно. Он оторвал взгляд от кадров и только в этот момент увидел, что Джессика беззвучно плачет. Как за секунду поменялось её лицо! Питер почувствовал себя виноватым, но Джеффри Родман уже был тут, как тут. Он присел рядом с ней и спокойно сказал:

– Плачь, девочка, плачь. Сегодня для тебя был тяжелый день, но поверь, он не последний.

– Мистер Родман, в принципе, для начала у меня есть всё, – и, взглянув на Джессику, продолжил, – мисс Олсон, прошу, извините меня, если что не так.

– Питер, вы здесь не причём. Спасибо вам за всё, что вы пытаетесь сделать для меня и моей дочери, – слезы прекратились и она пожала руку Стоуну.

– Кстати, Пит, – Джеффри окликнул журналиста, который уже начал уходить. – Мне кажется, неплохо смотрелась бы в статье параллель с озером Онондага.

– Я уже думаю об этом, – в голосе Стоуна прозвучало самоудовлетворение.

Джессика ничего не говорила Линде, понимая, что после выхода статьи она всё узнает. Ей было очень тяжело начать этот разговор, а репортаж Питера Стоуна станет именно тем первым шагом, чтобы открыться перед дочерью.

Прошла неделя. Телефон не затруднял себя сигналами входящих вызовов. За эти дни Джессика пять раз была у доктора Рединга, который назначил инъекции и капельницы. Она понимала, что он просто продлевает её время и улучшает самочувствие, тем самым, сохраняя силы. Время и сила – для неё именно это было сейчас главным. Мэри Холт, её давняя школьная подруга, уже знала всю правду и выведав у Рональда Рединга график процедур, делала вид, что их встречи в больнице случайны. Прав был мистер Олсон, отец Джессики, всегда повторяя, что лучшие друзья это со школы. Мэри оказалась тем человеком, в котором нуждается большинство, попав в беду. Она умела слушать, и с ней хотелось делиться всем, что накопилось и происходит в тебе и с тобой.

Джессика рассказала о Джеффри Родмане, с которым она познакомилась благодаря доктору Редингу, и об интервью в парке журналисту “Вечернего Сиракьюса”. Повела про истинную причину, побудившую её пойти на всё это.

– Ты всё делаешь правильно. Прочь сомнения, – Мэри протянула своей старой новой подруге стакан свежесжатого лимонного сока, когда на весь кабинет прозвучал сигнал мобильного Джессики, который, подпрыгнув на столе от вибрации, сообщил о прибытии СМС.

Отправитель: Джеффри Родман. “Завтра, на развороте”.

В руках появилась небольшая дрожь, и волнение стремительно охватило Джессику. Она, молча, протянула телефон Мэри.

– Успокойся, подруга, – Мэри подошла и взяла её сзади за плечи, – как говорил Вольтер, всё, что не делается, всё к лучшему.

На следующий день Джессика купила свежий номер газеты и поняла, что боится раскрыть её. Она села в свою машину, бросив многотиражку на пассажирское сиденье, и поехала на берег озера Онондага. Это место придавало ей спокойствие. Не выходя из машины, Джесс несколько минут смотрела на игру света в воде, а затем взяла газету и положила на руль, сразу открыв её на развороте, который полностью занял очерк.

Она долго всматривалась в свою фотографию и поймала себя на мысли, что была бы счастлива остаться в памяти Линды, именно такой. Заголовок статьи не обошелся без Джеффри Родмана:

“Вчера – озеро, сегодня – она, кто следующий?”

Литературный талант Питера Стоуна был виден невооруженным глазом. Иногда Джессики казалось, что это всё не про неё. Она не могла и подумать, что обычную, как у всех, жизнь, можно было так преподнести. Статья затягивала, заставляла задуматься и переживать. Остаться равнодушным после её прочтения могли только люди стеревшие свои лучшие чувства ластиком из цинизма, зависти и неразумного эгоизма. Питер Стоун умело выделял моменты в её жизни, на которые она никогда не обратила бы внимание, как на что-то важное.

Фабула статьи была четко прорисована из названия. Джессика Олсон в ней олицетворяла всех жителей Сиракьюс, жизнь и здоровье которых уже никоим образом не зависит от них, а опасность стать неизлечимо больным невидимой пеленой витает в нездоровом воздухе их любимого города. А сама природа, в лице озера Онондага, давала предупреждение, на которое за столько лет никто не обратил серьезного внимания, считая, что его это не коснётся. И вот настала расплата. Питер Стоун выразительно описал как многие подруги Джессики, окончив школу, покинули Сиракьюс и больше никогда не приезжали сюда, а она ещё в детстве решила, что останется только здесь. И чем ответил город за её любовь к нему?

В статье было много вопросов, которые заставляли читателя задуматься. Питер Стоун умело сделал из Джессики Олсон человека, не только вызывающего жалость, но ставшим объектом гордости и симпатии для своих земляков за её начавшуюся борьбу. В постскрипту он коротко написал:

“Я думаю, это не конец. А вы?”

Джесс ещё раз перечитала очерк от первого до последнего слова. Ей действительно всё понравилось. Ни у кого бы, ни родилось и мысли, что это всё делается просто из-за денег. Но не для себя, а ради Линды. Только ради неё.

Тихо заурчал двигатель её Фиесты и одновременно с ним загорелся экран мобильного телефона. Звонил адвокат Родман.

– Джессика, здравствуй. Ты прочитала статью? – спросил он ради приличия, хотя уверенно мог заключить пари, что “да” и несколько раз.

– Да, Джеффри. Честно, я не ожидала такого. Мне очень понравилось. Как будто это не про меня. Большое спасибо за всё, что ты для меня делаешь, – Джессика заметила, что

называя адвоката Родмана на “ты”, она уже не чувствовала себя неуютно. Он просто стал для неё старшим братом.

– Подождём несколько дней, чтобы статья подняла общественный резонанс, а затем готовься к прямому эфиру на радио “Голоса”.

– Джеффри, можно тебя попросить. Побудь, пожалуйста, со мной на эфире. Я тогда буду чувствовать себя уверенней. Иногда мне кажется, что не хватит сил, и я могу сорваться.

– Обязательно. А завтра, Джессика, в двенадцать часов, я жду тебя у себя в офисе. Посмотрим вопросы и ответы. Лучший экспромт – подготовленный экспромт. Надо будет про-репетировать.

Они ещё немного поговорили о статье и адвокат Родман, попрощавшись, отключился. В этот момент Джессика в зеркале заднего вида увидела полицейского, который подходил к машине.

– Мисс, у вас всё в порядке? Нужна помощь? У вас уже как пять минут работает двигатель, а вы стоите на месте.

– Извините, шериф, задумалась, – она плавно включила заднюю передачу.

– Бывает, удачного дня, – он развернулся и гордой походкой человека, довольного выполненной заботой, направился к своей машине.

Джессика взглянула на часы, которые показывали, что Линда должна быть ещё в школе. Вернувшись домой, она застала дочь за столом, которая сидела, положив руки на уже так знакомый ей свежий номер газеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.